А раньше - целая жизнь

В Ф Макеев

SHOUT
SHARE
IT

- Макеев В Ф

Макеев В Ф
А раньше - целая жизнь

Макеев В.Ф.

А раньше - целая жизнь...

Аннотация издательства: Биографическая повесть о боевых делах летчика морской авиации Героя Советского Союза В.Н.Каштанкина на Балтике в 1941-1943 годах и очерках о моряках,геройски сражавшихся с фашисткими захватчиками.

От автора

Москва засыпала. Гасли окна в домах. Все меньше становилось на улицах машин. Спешили домой запоздалые прохожие. Не замедлив хода у давно опустевшей остановки, с шумом пронесся полутемный трамвай. Я стоял у окна и смотрел на мерцающие огни ночного города, в отдалении рубиновыми поясками обозначилась стрела Останкинской телебашни.

Резкий в полуночной тишине продолжительный телефонный звонок заставил оторваться от окна. Говорил мой старый товарищ, который только что вернулся из Прибалтики.

- Извини за поздний звонок! Помню твой газетный очерк о летчике Каштанкине. Вот спешу сообщить тебе новость, узнал во время командировки. Может быть, это имеет отношение к Виктору Николаевичу?

Это было настолько неожиданно, что я сразу не ответил, а мой товарищ тоже помалкивал, видимо, собираясь с мыслями.

- Начну сразу с фактов, - сказал он. - В Нарвском заливе нашли немецкий тральщик и подняли его со дна вместе с врезавшимся в палубу самолетом Ил-2. Возможно, это самолет Каштанкина. Но пока имя летчика не установлено. Машина обследуется.

- Но Виктор Николаевич таранил сторожевой корабль, а не тральщик, ответил я. - Это в свое время очевидцы засвидетельствовали.

- Не исключено, что при плохой видимости участники боя ошиблись и приняли большой тральщик за сторожевик!

- Вряд ли такое могло случиться. Я видел ряд материалов в архиве, беседовал с сослуживцами майора Каштанкина. Факт, многими подтвержденный. Именно в этом районе совершен подвиг - вот это точно.

- Тогда надо ждать, что покажет дальнейшее обследование самолета. Вот и вся моя информация...

Снова я подошел к окну. И мне вспомнились полевой

аэродром, авиамеханик по вооружению нашей эскадрильи сержант Тронин, который, поднявшись по стремянке к кабине самолета Ил-2, где я сидел, сказал тогда: "Прочитайте, что о моем командире пишут". В газете было опубликовано сообщение Советского информбюро о подвиге майора Каштанкина. "Советский патриот направил свой самолет на судно и врезался в него. Произошел сильный взрыв. Корабль немедленно пошел ко дну..."

В тот день отважный летчик совершил свой последний боевой вылет, а до него была целая жизнь.

Работа в архиве, беседы с бывшими сослуживцами В. Н. Каштанкина, знакомство с перепиской героя помогли автору полнее представить эту яркую жизнь. Виктор Николаевич Каштанкин был действительно самобытной личностью, верным сыном своей Родины.

От автора

Москва засыпала. Гасли окна в домах. Все меньше становилось на улицах машин. Спешили домой запоздалые прохожие. Не замедлив хода у давно опустевшей остановки, с шумом пронесся полутемный трамвай. Я стоял у окна и смотрел на мерцающие огни ночного города, в отдалении рубиновыми поясками обозначилась стрела Останкинской телебашни.

Резкий в полуночной тишине продолжительный телефонный звонок заставил оторваться от окна. Говорил мой старый товарищ, который только что вернулся из Прибалтики.

- Извини за поздний звонок! Помню твой газетный очерк о летчике Каштанкине. Вот спешу сообщить тебе новость, узнал во время командировки. Может быть, это имеет отношение к Виктору Николаевичу?

Это было настолько неожиданно, что я сразу не ответил, а мой товарищ тоже помалкивал, видимо, собираясь с мыслями.

- Начну сразу с фактов, - сказал он. - В Нарвском заливе нашли немецкий тральщик и подняли его со дна вместе с врезавшимся в палубу самолетом Ил-2. Возможно, это самолет Каштанкина. Но пока имя летчика не установлено. Машина обследуется.

- Но Виктор Николаевич таранил сторожевой корабль, а не тральщик, ответил я. - Это в свое время очевидцы засвидетельствовали.

- Не исключено, что при плохой видимости участники боя ошиблись и приняли большой тральщик за сторожевик!

- Вряд ли такое могло случиться. Я видел ряд материалов в архиве, беседовал с сослуживцами майора Каштанкина. Факт, многими подтвержденный. Именно в этом районе совершен

подвиг - вот это точно.

- Тогда надо ждать, что покажет дальнейшее обследование самолета. Вот и вся моя информация...

Снова я подошел к окну. И мне вспомнились полевой аэродром, авиамеханик по вооружению нашей эскадрильи сержант Тронин, который, поднявшись по стремянке к кабине самолета Ил-2, где я сидел, сказал тогда: "Прочитайте, что о моем командире пишут". В газете было опубликовано сообщение Советского информбюро о подвиге майора Каштанкина. "Советский патриот направил свой самолет на судно и врезался в него. Произошел сильный взрыв. Корабль немедленно пошел ко дну..."

В тот день отважный летчик совершил свой последний боевой вылет, а до него была целая жизнь.

Работа в архиве, беседы с бывшими сослуживцами В. Н. Каштанкина, знакомство с перепиской героя помогли автору полнее представить эту яркую жизнь. Виктор Николаевич Каштанкин был действительно самобытной личностью, верным сыном своей Родины.

1

Дождь кончился, и небо посветлело. Разрядилась туманная пелена. Рождался будто другой день, светлый и радостный. В одной половине неба еще плыли сизые лебеди - облака, в другой уже заулыбалось солнце, и выгнулась радуга, соединив своими концами далекий лес и луг за деревней.

Мальчик лет двенадцати, светловолосый, с округлым румяным лицом и выразительными серыми глазами, стоял у мокрого плетня и глядел на небо. А когда жаркое солнце растопило радугу, он забежал в приземистый одноэтажный домик и через минуту-две вернулся с альбомом и коробкой цветных карандашей в руках. Примостившись на дровах, он уткнулся в альбом, и по белой, гладкой бумаге побежали изогнутые цветные линии.

Из-за спины мальчугана, мешая ему рисовать, стали выглядывать двое ребят, таких же вихрастых, круглолицых. Возгласы их свидетельствовали о том, что рисунок брата - раскинувшееся на вольных приволжских просторах родное село Большие Ключищи и радуга над ним - пришелся ребятишкам по душе.

- А ты смотри как похоже. Молодец Витюха! - воскликнул младший Сергей.

- На что похоже? - отозвался Виктор, на минуту прерывая работу.

- Знамо дело, на радугу, что у нашего села только что была.

Как у художника у тебя получается! - похвалил брат.

- Какой я художник! От слова "худо" разве. Вот понравилось - и рисую.

- Не скажи, - вмешался в разговор мальчик постарше, - я бы так не сумел. Будь жив отец, он бы тебя куда-нибудь определил.

- А я, Борька, в художники сам не пойду, - проговорил Витя, снова отрываясь от рисунка, - стану вот летчиком и моряком.

- Мамка говорила, радуга к счастью, - примирительно сказал Сергей.

- Что, и летчиком, и моряком сразу? Так, наверно, не бывает, - заметил Боря. Старший степенно, как говорили в селе взрослые мужики, продолжал: Поговори-ка с мамкой. Отошла после смерти бати. Может, и присоветует что.

Все трое Каштанкиных наперегонки бросились к избе. Да что могла посоветовать мать? Руками всплеснула, ответила ребятам:

- Когда отец кондуктором на железной дороге работал, какой-никакой, а достаток был. Сейчас ты бы, Витенька, больше подсоблял, не до учебы в городе пока. Подрастали бы вы поскорее, ребятки!

Верно, так уж устроена жизнь: сироты взрослеют скорее других детей. Весной в праздник Красной борозды - первый день пахоты - Виктор вел лошадь по полю. На общественном праздничном обеде держался ближе к взрослым, но когда обед затянулся, ушел спать: в торжественный день работали до обеда, зато с первого дня посевной - от зари до зари.

Поздней осенью и зимой крестьяне выполняли гужевую повинность ремонтировали дороги. Виктор любил такую работу, любил лошадей, но мечтал о тракторе. Мечтал с того дня, когда пришла в село первая машина - отливавший темно-синей краской маленький "фордзон" с большими колесами. Каждый старался потрогать трактор, хотел прокатиться на нем, гурьбой бегали за ним ребятишки, а тракторист (он же механик и завгар.) был, наверно, самым популярным на селе человеком.

Виктор работал по хозяйству с малых лет, а когда исполнилось шестнадцать, стал водить по полям совхоза "Красный Октябрь" трактор ЧТЗ более мощный, чем его американский собрат. И бегали за машиной другие босоногие мальчишки.

- Кормильцем становится, - с одобрением говорила мать, Агриппина Васильевна, глядя на смекалистого и работящего среднего сына.

А ему хотелось еще порой побегать со сверстниками, поиграть в разные ребячьи игры.

...Деревенская улица, со стадом коров по утрам, с пыльной

травой на обочинах, березами и елками у палисадников, со скрипучими калитками и высокими журавлями у колодцев, гармонью по вечерам, - короткая деревенская улица, но скольких способных парней, добрых и смелых, вывела она в большие города, к другой по масштабам жизни. Виктора Каштанкина она привела в город, носящий имя Ленина.

2

- Рабочая Выборгская сторона богата заводами и фабриками. И все-таки какой выборжец или даже житель другого района Ленинграда не знает нашего машиностроительного завода имени Карла Маркса! Знают завод в городе, а на нем по славным делам - токарный цех. Вот и выходит, что мы у всего города на виду. - Такими словами встретил Виктора Каштанкина токарь Василий Нефедович Иванов - дядя Вася, как звали его на заводе: отчество мало кто знал, разве что работники отдела кадров. - Будешь прилежно учиться - токарем станешь на большой! - для убедительности Иванов показал свой палец, темный от въевшейся металлической пыли. - Был трактористом, говоришь? Хорошо. Стало быть, парень смекалистый, в технике соображаешь. Иди к станку, теорию и практику сразу объяснять стану.

Для Василия Нефедовича короткое "иди" значило идти только вперед, к добрым делам. Шел он в жизни всегда прямой дорогой и никогда с нее не сворачивал. Кадровый питерский рабочий, он не мыслил жить иначе. Родина позвала, и он пошел на защиту Петрограда от Юденича. В стране восстанавливалась промышленность - он был среди первых ударников. Через десяток лет, лютой зимой сорок второго, он так же просто скажет себе "иди" и, будучи неизлечимо больным, пойдет на завод, что делал тогда детали для гвардейских минометов - "катюш", - пойдет еле живой, с опухшими ногами, доведенный голодом до последней степени истощения...

Виктор правильно понял своего учителя - прилежно работал и учился: не привыкать к труду деревенскому пареньку. До вечера задерживался в цехе. Исключением были шестое, двенадцатое, восемнадцатое, двадцать четвертое и тридцатое числа каждого месяца - последние дни шестидневки, когда завод был выходной. В такие дни Каштанкин шел в Эрмитаж или Русский музей, часами простаивал у картин, забывая о еде и новых кинофильмах.

...Незаметно прошли два года, и когда в заводском комитете ВЛКСМ Виктору предложили комсомольскую путевку для прохождения службы в Военно-Морском Флоте, принял ее с радостью, а дядя Вася напутствовал его коротким словом "иди!".

В 1930 году Каштанкин стал курсантом Военно-теоретической школы летчиков ВВС РККА. Само название -

военно-теоретическая школа - говорило о ее задаче подготовить юношей для поступления в летные училища. Общеобразовательная и военная подготовка, изучение техники и вооружения самолетов, теория полета и другие предметы охватывала сложная, насыщенная двухгодичная программа. Незадолго до выпуска, в мае 1932 года, курсант Каштанкин, секретарь комсомольской ячейки, был принят в ряды ВКП(б).

Позади теоретическая подготовка. Путь Виктора пролег "в сторону южную", в город Ейск, что на берегу Азовского моря.

Ейское авиационное училище в те годы, когда в нем занимался Каштанкин, готовило пилотов морской авиации. Виктор радовался, что сбывалось то, о чем думал когда-то - быть моряком и летчиком. Уже первые полеты убедили инструктора в том, что Каштанкин чувствует машину. За время учебы он освоил несколько типов самолетов, и инструкторы после полетов чаще всего говорили: "Замечаний нет!"

Училище дало молодому пилоту крепкие крылья. Старшие начальники отмечали в его характеристиках: штурманская и стрелковая подготовка отличная; может летать в сложных метеорологических условиях; летает грамотно, уверенно, оперативно-тактическая подготовка хорошая. Как одного из лучших летчиков в 1936 году его направили в авиашколу командиров звеньев.

Умелым, прекрасно подготовленным летчиком встретил капитан Каштанкин военные испытания. Первый боевой вылет он совершил в день начала советско-финляндского конфликта 30 ноября 1939 года. В другие дни - по нескольку вылетов, иногда до пяти в сутки. Орденом Красного Знамени отметила Родина его боевые дела.

В июне 1940 года в военном госпитале Ленинградского военного округа жена Виктора Николаевича, Вера Афанасьевна, родила сына, назвали его Владимиром. В семье теперь росли двое детей: сын и дочь. Сам Каштанкин готовился в академию. Как говорится, живи да радуйся... Но недолгой оказалась мирная передышка...

В феврале 1941 года капитан Каштанкин был назначен командиром авиаэскадрильи морских ближних разведчиков - самолетов МБР-2, базировавшихся на полуострове Ханко. Семья летчика оставалась в Риге, где жили и где он служил до февраля. Прощаясь с женой, крохотными Владимиром и Наташей, не думал, не мог знать Виктор Николаевич, что больше никогда не увидит детей, а с женой состоится только одно неимоверно короткое свидание. Все перевернула война...

21 июня в 23 часа 37 минут на Балтийский флот из Москвы поступила телеграмма. Народный комиссар Военно-Морского Флота приказал перейти на высшую оперативную готовность № 1. Оперативным дежурным по авиагарнизону Ханко в этот день был лейтенант П. А. Бринько (впоследствии известный летчик, Герой Советского Союза). Вот что рассказал о событиях того памятного дня Герой Советского Союза М. Львов:

"На столе дежурного - телефонные аппараты. Постукиваю г стенные морские часы. Теплый ночной ветер врывается в открытую форточку. Бринько взглянул на часы - было уже за полночь, потянулся рукой к календарю и оторвал старый листок. Наступило воскресенье.

Тишину спокойной белой ночи разорвал звонок штабного телефона. Сняв трубку, Бринько негромко сказал:

- Оперативный дежурный... - а через минуту взволнованно добавил: Есть, все ясно!

Лейтенант снял трубку внутреннего телефона и громко крикнул:

- Готовность номер один. Все по своим местам!"

Летчики, техники, механики, мотористы поспешили к самолетам: истребители рассредоточили по аэродрому, морские ближние разведчики из эскадрильи капитана Каштанкина спустили из ангаров на воду. На разведку с Ханко были посланы два самолета МБР-2.

...Пролетая над темными балтийскими водами, экипажи морских ближних разведчиков наблюдали за проходившей по балтийским просторам границей. Все, что лежало к западу от нее, - нейтральные воды. Тут могли плавать чужие корабли, летать иностранные самолеты. То, что к востоку от границы, закрыто для других. МБР шли над морем в тот час, когда кончалась самая короткая ночь и начинался самый длинный в году день - день летнего солнцестояния.

На востоке, справа от летевших гидропланов, появилась узкая розовая полоска. С восходом солнца раздвинулся горизонт, открылись перед летчиками новые дали. Вглядываясь в переливавшиеся серебром воды, штурман ведущего гидроплана доложил:

- Командир, прямо по курсу неизвестные корабли! Тот с минуту помолчал, внимательно посмотрел в сторону восхода:

- Вас понял... Чьи корабли?.. Что тут делают?.. Надо выяснить... Снижаемся для уточнения обстановки.

Летчик плавно передвинул вперед штурвал управления, и стрелка высотомера на приборной доске послушно поползла вниз. Машина начала снижаться. За ней, повторяя маневр ведущего,

устремилась летающая лодка ведомого.

- Корабли идут без государственных флагов, - резко обернулся к летчику штурман. Он не успел закончить доклад. Ярко-желтое пламя вырвалось из корабельных орудий. Рядом с самолетами взметнулись белесые шапки снарядных разрывов. Гидропланы от-вернулнГ и пошли стороной от кораблей параллельным с ними курсом.

Вернувшись, летчики доложили командованию, что при попытке доразведки на высоте 600 метров обстреляны тремя неизвестными кораблями, в 3 часа 30 минут, 22 июня 1941 г.

- Чьи корабли? Какое задание выполняли они в наших водах? Почему открыли огонь, ведь нет войны? - говорили летчики...

Каждый вспоминал события последних недель. Было известно о разведывательных полетах фашистских самолетов у наших границ, о переброшенных на территорию Финляндии немецких войсках, а двое суток назад флот перевели на оперативную готовность № 2 - высшую в мирное время. В их сознании это были звенья одной цепи, но еще не верилось, что несколько часов назад враг сомкнул эти звенья, и германская военная машина пришла в движение.

- Товарищ командир! - обращались летчики к капитану Каштанкину. Скажите, что это?

- Что положено - узнаем, - ответил командир эскадрильи. - Главное быть начеку. Еще раз осмотреть машины и держать их в полной готовности...

В 4 часа 50 минут во всех полках и эскадрильях флота была объявлена боевая тревога. Около шести часов утра личному составу объявили, что войска фашистской Германии перешли границу нашей страны.

А в полдень уже все радиостанции Советского Союза передали официальное сообщение о начавшейся войне. Тревожная весть собрала авиаторов на плацу перед штабом на митинг. Вылетевшие на разведку летчики рассказали о коварстве врага, внезапно напавшего на нашу Родину. Посуровели лица летчиков и техников. Внимательно слушали они своего командира капитана Каштанкина, который говорил о том, что вся страна поднялась на врага и он вскоре почувствует силу наших ударов, а морские летчики с честью выполнят свой долг перед Родиной.

- Я так думаю, - сказал Виктор Николаевич на митинге. - Выбирают путь в жизни, невесту, друзей, но мать не выбирают. Та, что дала жизнь, - одна. Также единственная для каждого и для всех нас Родина-мать. Ей мы обязаны всем, что дала она нам. Поклянемся же Отчизне каждой каплей своей крови, жизнями

матерей и отцов, детьми нашими, бить врага беспощадно, по-балтийски! С этого часа, с сегодняшнего утра, у нас главное - громить фашистов днем и ночью, на суше, на море и в воздухе. Мы не знаем, долго ли продлится война, но конец у нее должен быть один: поражение гитлеровской Германии и наша победа. Чтобы приблизить ее день и час, поклянемся, не щадя жизни, сражаться за родную землю, за наш народ, за правое дело.

Закончился митинг, но думал Каштанкин о том же, О чем говорил товарищам, - о войне. Конечно, он еще не мог представить себе, что началась гигантская битва, которую народ назовет Великой Отечественной войной, и он, совершив боевой вылет на разведку, уже принял в ней участие.

В последующие дни снова были боевые вылеты. Их аэродром постоянно обстреливали. Тогда командование решило оставить на Красном Гангуте в основном истребители для защиты неба, а другие самолеты перебазировать ближе к главной базе флота - Таллину.

Сменили район боевых действий, а задачи остались прежние. Бомбили вражеские транспорты, вели разведку, разгромили аэродром противника. О том, как это удалось, рассказала газета Военно-Воздушных Сил Краснознаменного Балтийского флота "Летчик Балтики":

"Капитан тов. Каштанкин вел свою группу летчиков на выполнение боевого задания. Нужно было идти по следу вражеских бомбардировщиков и разбомбить их на месте посадки. Враг не предвидел такого маневра и был захвачен врасплох. При посадке одних и при заправке горючим других было подожжено несколько вражеских машин, разгромлен фашистский аэродром".

Вместо самолетов на земле остались груды пылающего металла. Под конец штурмовки ударили из пулеметов по аэродромным постройкам и укрытиям летно-технического состава.

Были победы, были и поражения. Сначала ждали быстрых успехов, скорого разгрома фашистов. Но враг оказался очень сильным, он наступал, и Виктор Николаевич понял, до конца понял, что мир придет не скоро, что долго еще самолетам бороздить злое небо войны.

4

"Если все идет хорошо, нам кажется, что всегда так будет, но вдруг что-то случается, и счастье оказывается хрупким сосудом..." - примерно так с горечью подумала Вера Афанасьевна Каштанкина в первый военный полдень, когда она слушала по радио выступление народного комиссара иностранных дел.

Жизнь показалась ей разделенной какой-то невидимой

гигантской перегородкой на две неравные части: радостную, счастливую довоенную, и еще неведомую, пугающую неизвестностью, военную.

Каким должен быть ее первый шаг в новой жизни? Будь она одна - знала бы что делать: идти в военкомат или на фабрику, на завод, чтобы внести свой скромный вклад в борьбу за правое дело народа. Но у нее на руках двое маленьких детей - годовалый Владимир и двухлетняя Наташа. От них далеко не отойдешь, целый день в трудах, приходится готовить, мыть, стирать. С мужем не посоветуешься. Где же он воюет и жив ли?

Фашисты наступали. В Риге зашевелились буржуазные националисты. В магазине однажды услышала злобное: "Командирская дрянь! Недолго вам осталось..." И еще больше усиливалась тревога. Никто не говорил ей об эвакуации, а знала: уходят в глубь страны эшелоны с эвакуируемыми людьми и оборудованием.

На другой день Вера Афанасьевна встала пораньше, накормила, одела детей и пошла с ними в часть, где прежде служил муж. Многих уже не было на местах: одни летали на задания, другие получили новое назначение. Те, с кем удалось поговорить, обещали помочь, но, конечно же, кроме ее забот были дела поважнее: враг приближался к городу.

Но не забыли о семье Каштанкина. С большим трудом Вере Афанасьевне помогли устроиться с детьми на один из последних, отходивших из Риги поездов. Из вещей успела взять только кое-что для себя да лишь бы переодеть детей.

Тронулся поезд, медленно пополз назад запруженный людьми вокзал. Усталая, разбитая стояла Вера Афанасьевна у полки, на которой сидели дети, и жадно вдыхала теплый летний воздух. В памяти всплыли, сказанные при прощании мужем слова: "Береги детей!" Теперь, кажется, сбережет.

В вагоне, слышались всхлипывания ребятишек, плакавших по привычной размеренной жизни, и голоса матерей, старавшихся успокоить меньшеньких. Становилось легче, когда эти щемящие сердце звуки заглушал басовитый гудок паровоза. Наконец все успокоилось, забылись во сне ребята, разместились по полкам пассажиры, только вагонные колеса монотонно отстукивали бесконечное: "На вос-ток", "На вос-ток", "На вос-ток"...

Долгим был этот путь от Риги до Борисоглебска, где жила мать Веры Афанасьевны: два месяца продолжалась долгая и страшная дорога. Забитые людьми станции. Пассажиры на подножках и крышах вагонов. Страшно смотреть на черные обгоревшие и опрокинутые вагоны - следы бомбовых ударов врага по спешившим на восток эшелонам с эвакуированными. Дважды

их поезд попадал под бомбежку. Люди выпрыгивали из вагонов, бежали в разные стороны, стремясь укрыться в канавах и ямах. Вера Афанасьевна брала на руки детей и тоже убегала подальше от дороги и ложилась на землю, прикрыв собой плачущих от страха Володю и Наташу.

Когда кончался налет, люди собирались в вагоны с простреленными крышами, и, если паровоз оказывался невредимым, эшелон шел дальше, к следующей станции. А там в первую очередь пропускали другие поезда: встречные с войсками и техникой - на запад, санитарные с ранеными - на восток. А их медленный поезд стоял. То была занята дорога, то не оказывалось на станции трудяги-паровоза.

Денег у Веры Афанасьевны было немного, из вещей лишь платье да жакетка. Сама ничего, можно поесть и один раз в день, а детям не объяснишь, что, мол, "такие вот обстоятельства...". Сменяла на продукты жакетку, благо теплым выдалось первое военное лето. Дети все равно плакали, надоела им длинная дорога, вагон, где нельзя ни побегать, ни поиграть. Начинал хныкать один, за ним второй - в другом конце вагона... Просили молока, оставленные дома игрушки. Да, все они вдруг стали игрушками большой войны, что сорвала их с места и закружила в железном водовороте.

Наверно, у каждого человека бывает такое переломное время, когда он становится взрослее не от прожитых лет, от всего происходящего вокруг него. Может быть, человек не всегда знает и помнит, когда и как это произошло, но все равно в его жизни есть такой год, день, возможно, даже час. Вера Афанасьевна отлично знала, когда произошло такое в ее жизни - на пути на восток, в поезде, вслед за которым все глубже вползали на нашу землю фашистские полчища.

Лишь к сентябрю добралась до Борисоглебска, к матери. Та обрадовалась:

- Жить будем вместе и, если что, умирать - тоже вместе, это легче.

- Нет, мама, - не согласилась Вера Афанасьевна. - Теперь после всего пережитого, будем особенно ценить жизнь и все хорошее, что несет она с собой.

Каштанкина радовалась, что многие трудности позади, что сберегла Володю и Наташу. А как там Виктор Николаевич? Какие от него вести? Если жив, должен был догадаться, куда писать. Она хотела спросить о письмах у матери и не успела: старушка сама протянула ей пачку конвертов и с упреком сказала:

- Ты бы мне так часто писала, дочка! Не знала ведь, где ты" что с детьми!

- Я в дороге открытку бросила, думала знаешь, что удалось эвакуироваться. Просила тебя Вите об этом написать.

- Не было той открытки. Все, что есть, Виктора Николаевича письма.

Видя, как расстроилась дочь, узнав о затерявшейся открытке, старушка не стала ее ругать, какой спрос в такое время с почты.

- Ну ничего, - обняла мать Вера Афанасьевна. - Может, та открытка в разбомбленном вагоне сгорела или вместе с почтовым ящиком на станции к врагам попала.

Каштанкина села к столу, разложила письма по аккуратно поставленным на конвертах датам получения и начала читать весточки от мужа, сначала бегло, торопливо, схватывая главное, затем медленно, вчитываясь в каждое слово по нескольку раз.

Виктор Николаевич в первом же письме сообщал, что будет регулярно писать ее матери и сразу же извещать о разных переменах. Беспокойством за жену и детей были проникнуты многие строки: "Вера, где ты теперь?..", "Удалось ли выбраться из Риги?..". В другом письме - полная уверенность, что удалось, и в надежде, что все благополучно, все живы, уже о себе: "Если, родная, не придется увидеть моих ребят, когда подрастут, расскажи им обо мне. Пусть знают, что я с оружием в руках дважды отстаивал свою Родину, и там, где пришлось быть их отцу, - там врагу не сдали ни одного метра нашей территории - остров Эзель, полуостров Ханко". В последней фразе нет ни малейшего преувеличения: ведь все именно так и было! Эзель и Ханко были оставлены лишь по приказу нашего командования в период, когда Виктор Николаевич воевал уже в других местах.

В книге "История военно-морского искусства", в которой даны оценки боям на морских театрах в годы Великой Отечественной войны, приводится такая характеристика сражения за Эзель и другие острова Моонзундского архипелага: "Значительно уступавшие противнику в численности и средствах усиления, советские части 49 дней стойко обороняли Моонзундские острова. Они отвлекли на себя свыше 50 тысяч немецко-фашистских солдат, много авиации и специальных частей, ослабив тем самым группировку врага, наступавшую на Ленинград".

Как видим, такая оценка во многом перекликается с той, что высказал в письме почти четыре десятилетия назад В. Н. Каштанкин.

5

В письме Вере Афанасьевне Каштанкин упомянул остров Эзель. Туда из района Таллина перебазировались морские ближние разведчики. Этот клочок суши впоследствии стал

известен тем, что с него самолеты морской авиации ДБ-3 летали бомбить глубокие тылы фашистской Германии - Берлин, Штеттин, Кенигсберг, Данциг.

Стремились равняться на героев, побывавших над вражеской столицей, и другие летчики-балтийцы, в том числе из эскадрильи Каштанкина.

Погожий летний день. В голубом небе, словно легкие птицы, плывут самолеты. Нелегкое боевое задание. Такое поручают лучшим летчикам - удар по транспорту противника. Судно надо найти. А это не так просто, потому что противник за время подготовки к полету эскадрильи может уйти довольно далеко от места обнаружения. Стрелка бензиномера неумолимо движется к середине прибора, бесстрастно показывая, что горючего остается не так много, и значит - поворачивай на обратный курс. "Еще десять минут, - решает капитан Каштанкин, - и возвращаемся". Он, не отрываясь, будто не было в кабине других приборов, смотрит на авиационные часы. Торопливо бегут стрелки, а удары маятника, которых, Виктор Николаевич знает, не должно быть слышно из-за гула мотора, кажется, заглушают остальные звуки.

Когда истекли эти, отпущенные самому себе шестьсот секунд, Каштанкин переложил рули для поворота и тут услышал доклад стрелка-радиста:

- Слева, шестьдесят градусов, судно!

- Как же я не заметил! - в голосе командира сержант услышал нотки недоверия.

- Спешит к берегу, в шхеры. А солнце в глаза вам било. Я на вираже увидел.

- Молодец. Атака!

Группа пошла на сближение с судном. Ударили с небольшой высоты. Бомбы, пробив палубу, взорвались в машинном отделении. Транспорт, задрав кверху нос, быстро погрузился в морскую пучину.

- С победой! - закричал стрелок-радист по переговорному устройству.

Конечно, по масштабам войны этот первый потопленный ими транспорт была очень скромная победа, но для летчиков эскадрильи МБР и ее командира успех можно было сравнить только со всем первым: первым полетом в небо, первым боевым вылетом, первым сбитым самолетом.

На аэродроме к капитану подошел инженер эскадрильи:

- Земля слухом полнится, говорят, пирата к рыбам отправили. Как было дело?

- Слухи подтверждаю. Доволен, конечно, но нам повезло.

- Желаю прикокнуть зверя покрупнее.

В другой раз, действительно, потопили транспорт большего водоизмещения, но не они сами, а с их помощью...

Успешно выполнив боевое задание, группа самолетов во главе с капитаном Каштанкиным возвращалась к своему аэродрому. Летели низко над водой почти на бреющем.

Каштанкин любил летать вот так над самой поверхностью земли или моря. Когда самолет летит низко, разглядеть что-либо под крылом невозможно: деревья и кусты - все сливается в сплошную несущуюся навстречу широкую полосу. Тут "зри в три", иначе выскочит тебе навстречу высокий предмет, не успеешь обойти - пропадешь. Но на бреющем легче уходить от врага: не зайдет снизу, "под брюхо" истребитель, сверху и то атакует с опаской - боится врезаться в землю.

Над морем же нет ни возвышенностей, ни холмов - лети в любом направлении, да и меньше вероятности встречи с вражескими истребителями. Но, если что-то случится с самолетом, с бреющего полета не прыгнешь с парашютом, не спланируешь на воду. Нелегок для летчика такой полет, но есть в нем свой расчет...

- Вижу транспорт, - доложил штурман, - но боезапас израсходован.

- Уйти ему дать нельзя, - ответил Виктор Николаевич. - Радист, передайте: квадрат... крупный транспорт... идет курсом... Прошу прислать бомбардировщики...

Капитан приказал группе следовать на свой аэродром, но сам не ушел от транспорта, летал в отдалении, передавал по рации об изменении курса. Бомбардировщики не заставили себя долго ждать. Они ударили по транспорту и сделали, по словам Каштанкина, "из надводного корабля - подводный".

Были и такие задания, на которые капитан Каштанкин (как это, может быть, ни странно звучит) напрашивался сам. Так была сфотографирована батарея противника, укрытая в каменистом извилистом береге, которая не давала свободно проходить нашим кораблям. Для отвлечения внимания зенитчиков к батарее вылетела демонстративная группа истребителей. По ним враг и открыл бешеный огонь. По батарее ударил наш крейсер. А в то время Каштанкин вынырнул из-за облаков к позициям врага. Вокруг его самолета замелькали шапки разрывов - артиллеристы поняли наш маневр, но летчик уже успел засечь тяжелые орудия...

"Держимся крепко, - отмечал Виктор Николаевич в одном из писем жене. Личный состав храбрый, подготовленный к любым испытаниям..." Далее он писал о большом значении довоенной работы, которая не пропала даром.

Прорвавшиеся из Прибалтики немецко-фашистские войска

были в двухстах километрах от Ленинграда. Сотням танков, тысячам орудий и минометов, тремстам сорока тысячам гитлеровских солдат, поддерживаемых почти тысячей самолетов, противостояли сто пятьдесят тысяч советских воинов. Ожесточенные бои шли между Псковом и Лугой. Но не было еще закончено строительство Лужской оборонительной полосы. 'Тяжелое, тревожное и опасное положение создалось на дальних подступах к городу.

Партия призвала ленинградцев встать на защиту колыбели Октября, своих домов и семей, своей чести и свободы. Город Ленина поднялся на священную борьбу с врагом. В дивизии народного ополчения уходили рабочие, служащие, интеллигенция. Шли на фронт моряки с кораблей и курсанты военных училищ. Полмиллиона ленинградцев строили оборонительные сооружения вокруг города. Еще в недалеком прошлом мирный город становился городом-фронтом.

В те трудные, огненные дни морские ближние разведчики стали бомбардировщиками. Они уходили в бой без прикрытия истребителей, потому что те на дальних подступах к Ленинграду "работали штурмовиками". Устаревшие МБР имели оружие куда более 'слабое и скорость вдвое меньшую, чем охотившиеся за ними "мессершмитты". Но, летая в одном с ними небе, наши летчики успешно выполняли боевые задачи. Не в каждом полете совершались подвиги, но каждый полет был подвигом.

И будто для того чтобы сделать еще горше и без того тяжелую долю наших авиаторов, погода на Балтике установилась теплая, солнечная. Ни единой тучки на небе. Всматриваясь перед полетом в такую мирную голубую даль, командир звена старший лейтенант Горов, с которым Виктор Николаевич учился еще в военно-теоретической школе летчиков, угрюмо сказал:

- Встретим супостатов - не уйти в облака. Негде спрятаться и укрыться. - Он помолчал и, внимательно посмотрев на осунувшееся лицо командира эскадрильи, сказал: - Когда вылет?

- Через два часа, чтобы вернуться в сумерках.

- Вам, товарищ капитан, можно бы и не лететь. В третий раз поведете эскадрилью. Может, я за старшего?

- Пока на посту, пока жив, буду летать, - ответил Виктор Николаевич без пафоса, как можно обыденнее, чтобы не подумал товарищ, что командир рисуется.

- И то верно, сбить любого могут...

Каштанкин поймал себя на мысли, что слово "сбить" Горов произнес с такой затаенной грустью, словно для него все было предрешено, вроде как на роду у него написано.

- Саша, что за настроения? - укоризненно сказал Каштанкин. -

Злее, злее будь!

Но Горов ничего не ответил: внимательно смотрел он в сторону моря, и Каштанкин не стал докучать ему своими наставлениями.

На исходе дня группа самолетов Каштанкина ударила по длинной колонне автомашин и бронетранспортеров с пехотой. Бомбы ложились точно. Дымом заволокло дорогу. Теперь второй заход, и из пулеметов - по разбегающимся гитлеровцам.

Но когда легли на обратный курс, их догнали "мессершмитты". Трое на трое, а силы неравные. МБР не могли противостоять быстрым, маневренным истребителям. Машина командира звена была сбита первой.

Другой поврежденный гидроплан потерял высоту и сел на воду у ничейного берега. Отстреливаясь от вражеских истребителей, Каштанкин увел свой самолет к аэродрому. Скрылись и "мессеры", наверно, у них кончалось горючее...

"Конечно, ничейная земля - не наша земля, - рассуждал, подлетая к аэродрому Каштанкин. - Туда еще не пришли фашисты, но в любую минуту могут появиться их самолеты или катера. Тогда МБР расстреляют из пушек или крупнокалиберных пулеметов с дальней дистанции... Вернуться? Какие у них повреждения? Захватить бы с собой техников да слетать, когда машину заправят..."

- Где остальные? - не ожидая доклада Каштанкина спросил начальник штаба части.

- Задание выполнили. Горов сбит. Другой самолет сел на вынужденную. Прошу разрешения вылететь туда с техниками.

- Ясно, - хмуря густые брови, сказал, словно отрубил, начальник штаба. - Могло быть...

Не закончив мысли, он повернулся и пошел широким шагом от ангаров. "О чем он, что ему ясно?" - подумал капитан, понимая, с каким риском связан каждый дневной полет без прикрытия. Все, конечно, знали, что мало кто из сбитых летчиков возвращается назад...

Рассредоточены и зачехлены машины. Ушли отдыхать товарищи, а Каштанкин остался у берега.

Но что это? Каштанкин сорвал шлемофон. Знакомый гул мотора, и вот уже пробивая густеющие сумерки, на посадку заходит отставший гидроплан: экипаж исправил повреждения своими силами.

А над идущим на посадку самолетом, высоко в небе мерцали яркие звезды. Вот упала одна: будто спичкой чиркнули по небосводу. Люди говорят, оборвалась чья-то жизнь.

"Может, в чем и я виновен? - сокрушенно думал Каштанкин. -

Мог тверже отстаивать решение командования об использовании МБР как ночных бомбардировщиков, не надеяться на возвращение в сумерках..."

Кто-то подошел сзади, положил летчику руку на плечо. Виктор Николаевич обернулся: перед ним стоял комиссар эскадрильи. Полный, широкогрудый в светлом полумраке белой ночи он казался еще крупнее.

- Плохо, брат, трудно? - проговорил он, снимая тяжелую руку с плеча пилота.

- Не могу поверить. Ведь он мой давнишний товарищ. А экипаж? Не настоял я, чтобы ближе к ночи летели. Он будто знал, чем этот полет кончится. Может быть, второго захода не надо было делать, сбросить бомбы и уходить, ушли бы подальше от "мессеров".

- Значит, казнитесь, думаете... Но война же, Виктор Николаевич. Комиссар помолчал, что-то, видимо, анализируя, и твердо добавил: - Опыт не сразу приходит, но действовали, по-моему, вы правильно. Переименовали нас, конечно, негласно в ночные бомбардировщики, но ведь понятно, что все равно надо летать в любое время суток. - Комиссар снова положил руку на плечо летчика и добавил уже теплее:

- Если бы все так воевали! Какие люди у вас, какие отважные сердца!

- Что же выходит, вы меня еще и хвалите? - с недоумением спросил Каштанкин.

- Хвалить не хвалю, а дела по справедливости привык оценивать, как партия учит.

Капитан молчал. Не знал, что сказать, человеку, который уже не раз помогал ему в трудный час. "Он шире смотрит на вещи, на все, этот строгий и добрый человек - главный коммунист эскадрильи", - подумал Каштанкин.

- Пойдем-ка отдыхать, - предложил комиссар, - завтра лететь.

- Сегодня, товарищ комиссар, сегодня...

6

В первой половине августа гитлеровцы повели мощное наступление на Ленинград. К концу месяца противнику удалось выйти на ближние подступы к городу. Военный совет северо-западного направления обратился к ленинградцам с воззванием, в котором говорилось:

"Над нашим родным городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск.

Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разгромить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв,

надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей родины. Но не бывать этому! Ленинград - колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны - никогда не был и не будет в руках врагов. Не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы все это досталось фашистским разбойникам...

Десятки тысяч ленинградцев мужественно сражаются на фронте. Мы обращаемся к ним: будьте образцовыми воинами Красной Армии! Будьте тверды, сплачивайте своим примером боевых товарищей! Воспитывайте в них дух бесстрашия, отваги и преданности Родине!..

Организованностью, выдержкой, смелостью и беспощадным истреблением фашистских убийц мы можем и должны остановить кровавую расправу, которую творит враг над советскими людьми, предотвратить грозную опасность, нависшую над нашим городом, защитить Ленинград от врага.

Будем стойки до конца! Не жалея жизни будем биться с врагом, разобьем и уничтожим его! Смерть кровавым немецким фашистским разбойникам! Победа будет за нами!"

Фашистам удалось замкнуть кольцо блокады, но на защиту города поднимались все новые силы. "Скорее Нева потечет вспять, чем фашисты завладеют Ленинградом", - говорили его защитники.

В те дни авиация действовала в тесном контакте с наземными войсками. Чтобы крепить это взаимодействие, каждому авиасоединению выделялся участок фронта для прикрытия наших частей. Военно-Воздушные Силы Краснознаменного Балтийского Флота поддерживали армейские части, оборонявшие Ораниенбаумский плацдарм.

В составе флотской авиации произошли изменения. Некоторые авиационные подразделения, понесшие значительные потери, были расформированы, а личный состав, и техника пополнили другие части. Самолеты эскадрильи Каштанкина вошли в разведывательную авиачасть.

Начальник штаба, моложавый майор, протянул Каштанкину карту с нанесенной обстановкой и поторопил:

- Пойдемте побыстрее. Прокопались мы с вами, как разборчивая невеста с подвенечным платьем, а командир полка ждет. - И доверительно добавил. - Не в духе он сегодня.

- Сегодня? Он всегда хмурый. У меня тоже с начала войны о семье никаких известий, не развеселишься, - заметил Каштанкин, вставая из-за стола.

- Мало вы его еще знаете... Нынче есть из-за чего расстроиться. Туман крепко привязал разведчиков к земле, а "сверху" данные требуют. Сам хотел лететь, не пустили. Вот вас, опытного следопыта, выбрал.

- Поэтому и не в настроении? - пошутил Виктор Николаевич, укладывая карту в планшет. - Ну, идем.

Они прошли по узкому, заставленному стульями коридору. Майор приоткрыл обитую дерматином дверь. Каштанкин обратил внимание, что лицо командира полка утомленное, серое. "Опять ночь не спал, - подумал он. - Наверно, ездил доказывать, что летать нельзя, спорил. Доказать не сумел, а самого тоже не пустили..."

Полковник развернул карту, хмуро поглядел на обоих летчиков.

- Метеоусловия сложные. Задание важное и трудное. Мы знаем, что железнодорожная станция, которую надо сфотографировать, охраняется усиленными зенитными средствами. Поэтому съемку следует сделать с первого захода... Если нет вопросов, вылет по готовности.

По готовности - значит немедленно. Каштанкин вывел дооборудованный фотоаппаратурой МБР на старт и двинул ручку сектора газа вперед. Навстречу самолету устремилась плотная завеса тумана, и пропал позади притихший в это ненастное утро берег. У цели - железнодорожной станции - по кабине ударили упругие капли дождя. Перед самолетом виднелась лишь серая водяная стена. Зато туман быстро поглощался дождем, растворяясь в его крупных каплях.

Наконец самолет пробил облачность. Ушел к Ленинграду, к их аэродрому дождь. Капитан взглянул на простиравшуюся под ним умытую дождем землю, посмотрел на карту. Цель была уже близка. И как на зло - ни дождинки, ни низких облаков, в которых можно было бы укрыться.

"Себе этот вариант комполка оставлял, сам хотел лететь. Бережет других. Так и не сказал, что. на разведку собирался... "Мне нужны точные сведения" и ни слова больше. А вообще-то он ничего", - думал Каштанкин, направляя самолет к станции со стороны немецкого тыла.

Завеса зенитного огня, открытого фашистами с запозданием, сразу осталась позади. МБР прошел над составами, затем резко снизился, уклоняясь от догонявших его огненных кинжалов. Сознание летчика тревожила одна мысль: "Эшелонов на станции много, сумел ли их все заснять? Деталей я не запомнил. Фотоаппарат, конечно, зафиксировал. А если не все?.." И он повел гидроплан к станции на второй заход.

В бою, в атаке плотно спрессовываются секунды. В разведке, под огнем, они непостижимо растягиваются. Не сворачивая с курса, надо пройти над объектом, чтобы заснять самое важное. Длинными казались летчику те секунды, когда самолет шел между шапками разрывов. Желтые трассы все плотнее окружали машину, стремясь захватить ее в свои смертельные объятия. "Продержаться, еще немного продержаться", - приказал себе пилот.

Несколько светящихся пунктиров перекрестилось в машине. Пули прошили плоскость и фюзеляж. И тут же Каштанкин почувствовал, как вздрогнул самолет: в мотор угодил осколок снаряда.

Почти у земли Каштанкину удалось выровнять терявший высоту гидроплан. Медленно, неуклюже, словно подстреленная птица, он снова набирал высоту. Но МБР плохо слушался горизонтальных рулей, не работали ни высотомер, ни указатель скорости. "Доберусь ли? - с сомнением подумал Виктор Николаевич. А комполка добрался бы... Он ничего. Сам ведь решил рисковать. Жизни для дела не жалеет. Я тоже сейчас не за себя боюсь, за снимки. Ударят бомбардировщики по станции - не упадут на город бомбы и снаряды, не получат горючего фашистские самолеты и танки".

Но все тяжелее вести поврежденный самолет. Плечи у летчика будто налиты свинцом. Бешено колотилось готовое выскочить из груди сердце. "На сколько асе времени у меня хватит сил? - подумал капитан и, увидев вдалеке купол кронштадтского Морского собора, ответил себе: - Хватит".

Видимость и здесь, в местах, где недавно стоял туман, улучшилась. Каштанкин с большим усилием развернул самолет к месту стоянки и посадил его.

- Фотоаппарат цел? - с тревогой спросил Каштанкин, увидев коробку с пленкой в руках у техника.

- Цел, товарищ капитан, сберегся. "Значит, слетал не впустую", подумал летчик и широко улыбнулся - первый раз за день.

- Идите докладывать командиру полка, - поторопил начальник штаба, ждет у себя.

"Не спал ведь. Шел бы отдохнул, меня ему надо слушать, - подумал Каштанкин. - Педант, а все-таки можно с ним работать".

7

Каштанкин летел над Ленинградом на легком учебном самолете У-2. С небольшой высоты он видел такой же красивый, как прежде, и все-таки другой город - более строгий, опоясанный линиями укреплений, с сетями маскировки на некоторых

зданиях. То в одном, то в другом месте он замечал развалины домов, видел закопченные стены. В сердце закипала злоба на фашистов, хотелось пересесть в боевую машину, чтобы мстить и мстить врагу. Но сегодня у него было другое задание: приземлиться на аэродроме, находившемся совсем рядом с городом и доставить в часть представителя штаба.

На аэродроме выяснилось, что к авиаторам полетит писатель из группы, прибывшей в политуправление фронта. При знакомстве он сказал, что хочет написать о пилотах очерк. "Конечно, не о пилотах с МБР, - подумал Виктор Николаевич. - В авиации первые те, кто летает на новой технике. Они ведущие. Писать надо о них потому, что идти за ведущими легче..."

Когда шли от стоянки самолетов к клубу части, писатель спросил Виктора Николаевича о семье. Услышав, что давно нет вестей, стал успокаивать: "Сейчас у многих так. Все же нередко находятся. Даже у кого беда, не поддаются". На встрече он говорил о развитии отечественной техники, о новых машинах, что сочетают силу моторов и мощь оружия с высокими летными качествами и мудростью приборов. Говорил о героях-летчиках. О них Каштанкин тоже подумал, как о ведущих... "Один из летчиков сел без горючего в поле на нейтральной полосе между нашими и немецкими позициями. Заметил невдалеке подбитый танк, слил из него горючее и заправил самолет. Тут же развернулся и на свой аэродром. Погибшим его считали: видели, как круто к земле пошел, а прикрыть не могли, вели с врагом тяжелый бой".

- Мы, русские, живучие, пройдем через огни, трубы и чертовы зубы! добавил Каштанкин.

- Это верно, товарищ капитан! - ответил писатель.

Виктор Николаевич понимал, что это продолжение их разговора о семье, о том, что многие находятся и надо надеяться на лучшее...

Из клуба Каштанкин пошел к землянкам, где жили летчики, хотелось побыть одному, со своими мыслями. Издали увидев его, дневальный закричал:

- Товарищ капитан, вам письмо!

По-разному в годы войны встречали письма. Еще не зная, что принесла весточка, радовались при виде знакомого почерка, с тревогой, затаенным страхом за близких людей вскрывали конверты от незнакомых людей или с официальными штампами...

"Вдруг от жены и ребят", - подумал Виктор Николаевич, но взглянув на конверт, опустил руки. Письмо было от тещи, а у нее все они одинаковые: одни вопросы о дочери, о внуках. Если бы он сам: что-нибудь знал!

Каштанкин разделся, долго лежал с открытыми глазами, но

сон не шел. Разбередил душу писатель и беседой, и этим своим "нередко находятся". Нет, он не нянчит беду, а ждет лучшего, верит, что все будет хорошо. Но все-таки почему такое состояние? Будто кошки на душе скребутся... Прислала бы жена письмо, сообщила, что жива и здоровы ребята, больше ничего не надо. Теща еще давно писала, что получила телеграмму откуда-то из района старой государственной границы, но там же немцы... "Где ты сейчас, Верочка?.."

Виктор Николаевич закрыл глаза и увидел жену так явственно, будто была она тут же, в землянке. Он открыл глаза: рядом койки товарищей, подальше тумбочка дневального... Лежал и думал: "Верю, что жива, в пути. Жаль, ни писем, ни адреса нет, чтобы написать. Но все равно ты рядом, самая близкая. Ты думаешь обо мне? Вот сейчас я буду писать тебе письмо... Что написал бы я ей?.."

"Здравствуй, любимая! Сколько мы не виделись с тобой. Годы? По календарю, конечно, не годы, месяцы. Да долгие они, эти месяцы разлуки. Долгие, как годы. Но мы вместе, потому что я всегда думаю о тебе, не мыслю себя без тебя - твоих слов, твоих полных тепла рук, твоих губ. Как жаль, что я не могу обнять тебя, родная.

Где ты? Как ты там? Тебе тяжело, с детьми особенно. Но помни, что все проходит, все, кроме нашей любви...

Что я мог бы сообщить о себе? Я жив и здоров. Очень хочется жить, трудиться для страны, любить тебя, вырастить сына и дочь. Но если придется погибнуть, я сумею умереть, как подобает коммунисту, тебе никогда не будет стыдно смотреть в глаза людям..."

"Молчи, не надо об этом", - услышал он голос жены. "Да, верно, не буду. Я тревожусь только о тебе и детях. Как мы были молоды и беззаботны, как мало ценили то, что было у нас до войны. Только пусть не кажется тебе, что несчастье ближе к нам, чем радость. Пусть ближе будет радость. Родная, узнаешь ли ты когда-нибудь об этом письме?"

Каштанкин ощущал тепло лежавших под головой рук, смотрел на падающий от коптилки отсвет и вдруг почувствовал слабость, словно мучительные думы вобрали в себя все его силы. Он накрыл голову одеялом и забылся в беспокойном сне.

8

Эскадрилья капитана Каштанкина до конца осени базировалась в одном из пригородов Ленинграда. Под крылом не раз открывалась его дальняя панорама, но в самом городе побывать не довелось.

Каштанкин увидел город вблизи из окна госпиталя, куда

попал после ранения, к счастью, легкого. Всего несколько недель понадобилось, чтобы поставить его на ноги, вернуть в строй.

Прежде чем отправиться в часть, он решил походить по Ленинграду, посмотреть на знакомые с юношеских лет проспекты, площади, на красавицу Неву и застывшие над ней мосты. На улице пахло сырыми неубранными листьями. Из плывущих довольно высоко в небе облаков моросил мелкий дождь. Порывистый ветер подхватывал легкие капли и волнами нес их вдоль улицы.

Не обращая внимания на дождь, Виктор Николаевич шагал по грязным улицам, всматриваясь в появившиеся повсюду приметы войны. Окна нижних этажей зданий были заложены мешками с песком или кирпичами. В стенах угловых домов зияли чернотой амбразуры и бойницы. На проезжей части, ближе к панели, чтобы не мешать движению, громоздились противотанковые ежи. Кое-где на мостовых валялись причудливо спутанные обесточенные нити сорванных со столбов проводов. Часто встречались написанные крупными буквами объявления: "При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна". Он остановился у выбитой взрывом парадной двери и на стене лестничной клетки прочитал: "Не ходите по лестнице с горящими лучинами и жгутами". Подумал: "Лучины и жгуты - тоже спутники блокады" - и перевел взгляд на доску с "Ленинградской правдой". Его внимание привлекла статья о продовольственных трудностях в городе. "Между завмагами, укравшими пять килограммов продовольствия, между вором, укравшим пять картошек, между шпионом, пустившим в обращение пять фальшивых продовольственных документов, нет никакой разницы. Это наши враги", говорилось в статье. "Пишем о килограммах продуктов так остро, - подумал он. - Значит, в городе минимальные запасы, хотя в открытую этого не говорят. Да что говорить, даже по быстро убывающему госпитальному пайку видно".

В тишине, непривычной для большого города, шел он по проспекту. Ни автомашин, ни троллейбусов, - никаких звуков. "Тихо сегодня, молчат фашисты", - подумал он, и в этот миг звенящую тишину взорвал вой и близкий взрыв снаряда.

По длинному проспекту из укрепленных на домах и столбах серых с широкими раструбами репродукторов понеслись сигналы тревоги. Они возникали где-то вдали, в конце магистрали, перекатываясь, неслись мимо, в другой конец проспекта, спешили вперед и снова возвращались, как звуки стереофонической музыки, но музыки страшной, угрожающей.

Определив, что снаряд взорвался внутри двора пятиэтажного дома, капитан побежал туда узнать, не нужна ли кому помощь.

Подкованные ботинки застучали по сорванным с петель воротам, заскрежетали по груде кирпичей и битому стеклу.

Во дворе он остановился ошеломленный увиденным: полузасыпанная битым кирпичом перед ним лежала женщина, а рядом девочка лет четырех. Ее нога была придавлена обрушившейся балкой. Каштанкину приходилось не раз видеть врага рядом - и фашистские самолеты, и перекошенные злобой и ненавистью лица гитлеровцев, но ему еще не доводилось так близко видеть страдания и кровь мирных жителей...

Капитан не понял, жив ли ребенок, но, что женщина жива - было очевидно. Он принялся отбрасывать придавившие ее тело кирпичи. Когда освободилась рука, она судорожно повела ею в сторону ребенка: мол, ему помогите в первую очередь. Каштанкин попытался приподнять конец деревянной балки, кажется, это были стропила с крыши, - не получалось.

В подворотне показались девушки из местной противовоздушной обороны с носилками. Втроем они приподняли и отодвинули тяжелый брус. Девочка была жива, очнувшись, она закричала от боли, позвала: "Мама, мама!" Когда дружинницы перевязывали ногу, она снова потеряла сознание. Сандружинницы положили ее на носилки.

- Мать тоже возьмите в больницу, - попросил Каштанкин.

Черненькая, с выбившимися из под платка кудрями девушка, наверно, старшая из санитарок, покачала с сожалением головой:

- У живых и мертвых разные дороги...

Взглянув на неподвижное лицо, он понял, что женщина уже умерла. Ее рука так и застыла вытянутой, указывая туда, где лежала дочь. Капитан, склонив голову, подумал, что это, должно быть, и есть первый и последний в жизни подвиг молодой матери...

"У живых и мертвых, - вспомнил он, - разные дороги". Это ведь они и о себе, и обо мне тоже. Надо скорее в часть".

Но вернуться ему удалось не скоро. В тот день необычно долгим оказался комбинированный - артиллерийский и воздушный - налет на Ленинград. Рушились, горели дома, падали на окраинах и на сами здания объятые пламенем "юнкерсы", гибли люди. Летчика, несмотря на его просьбы, дальше первого бомбоубежища не пустили, порядок для всех один: укрываться по сигналу тревоги...

А когда прозвучал долгожданный отбой, на проспекте снова установилась гнетущая тишина.

Говорят, что путь домой всегда короче того, что ведет из дома. Но в этот раз дорога в госпиталь, та, что нечаянно пролегла через безлюдные улицы блокадного города и через маленький

двор пятиэтажного серого здания, показалась Виктору Николаевичу куда длиннее.

9

Тяжелые орудия гитлеровцев, нацеленные на мирные дома жителей, представляли ту самую черную силу, остановить которую могла только наша артиллерия и авиация. В качестве ночных бомбардировщиков иногда на такие задания посылались МБР, которые, используя малую скорость, могли без промаха положить бомбы на точечные цели...

- Задача сложная, - говорил Виктор Николаевич товарищам. - Батарея живучая, осколками сталь не возьмешь, а небольшие повреждения немцы быстро исправят. Еще одно прошу учесть: вероятно, свои позиции они прикрывают зенитками. Второй заход даже в ночных условиях окажется много сложнее первого. Точно ударить постараемся сразу.

Осветительная бомба, словно гигантская люстра, повисла над землей. Каштанкин взглянул на лежащий на коленях планшет с картой. Да, это был квадрат, где зафиксированы орудия. "Надо искать", - крикнул он штурману. Тот махнул рукой: не вижу. Летчик пролетел над редким лесом и вновь вернулся к опушке. Ничего подозрительного. Нигде не заметно и позиций зенитных орудий. Ошиблась разведка? Не должно быть. Делая над опушкой второй круг, капитан обратил внимание на овальные, едва возвышавшиеся над местностью бугры.

"Здесь!" - подумал он. - Но где же зенитки? Впрочем, дальнобойные орудия замаскированы отлично. Надеются фрицы, что их не найдут. Зенитные пушки не поставили, чтобы не привлекать внимания. Чего пустой лес охранять?.."

Бомбы летели точно на подозрительные бугры, которые на самом деле оказались маскировочными сетями. Прямыми попаданиями были разрушены укрытия, выведены из строя сами орудия и линии управления и связи.

Группу самолетов обстреляли уже на обратном пути, над передним краем. Утром в самолете Каштанкина техник обнаружил две пробоины.

- В полете даже не обратил внимания, - заметил Виктор Николаевич, других-то повреждений не было.

- Да, пробоины в крыле небольшие, - ответил техник.

- Вводите скорее машину в строй. Я посмотрю другие самолеты.

Каштанкин шел от машины к машине, и об эскадрильи были его думы.

Эскадрилья. Что такое эскадрилья? С военной точки зрения лишь тактическая единица. Но за этим понятием - боевое

братство воинов: летчиков, техников, механиков, мотористов и вооруженцев, коммунистов и комсомольцев, начальников и подчиненных, товарищей и друзей. Эскадрилья - это боевая техника: самолеты и их разящее врага оружие. Боевой труд на земле и в воздухе, сплоченность и знания, вложенные в огонь скорострельных пулеметов. Каштанкин любил свою эскадрилью, думал прежде всего о ней...

Но не пришлось больше Виктору Николаевичу летать на отремонтированном техниками самолете и воевать со своей эскадрильей. Наша промышленность дала новые боевые машины, и нужны были опытные руки, которые стали бы поднимать самолеты в воздух, вести их на врага. Поэтому немало летчиков с фронтов отправлялось в запасные полки и училища, чтобы овладеть новой материальной частью. Среди таких людей оказался и капитан Каштанкин, и некоторые его товарищи по службе, а эскадрилья по решению командования была расформирована. Ее немногочисленные самолеты и личный состав шли на пополнение других авиаподразделений.

В ноябре 1941 года капитан Каштанкин покидал блокадный Ленинград. Позади были почти пять месяцев войны - время неравных боев, отступления. Город в кольце. Фашистам не удалось уничтожить ни флот, ни его авиацию. Корабли стоят в Ленинграде и Кронштадте. Самолеты - на аэродромах в городе и пригородах. Обстрелы, голод, холод. Обстановка трудная. Но враг не достиг целей. Непоколебимо стоит колыбель нашей революции. Виктор Николаевич подумал, что разведчики МБР не зря использовали как бомбардировщики. Потери немалые, но в общий отпор гитлеровцам и они внесли посильный вклад. Он летчик и командир - тоже...

10

Прежде чем идти за документами в Адмиралтейство, где размещался штаб авиации флота, Виктор Николаевич решил отнести скромные посылки по адресам родных его товарищей. Не спеша, экономя силы, потому что голод пришел и к летчикам, хотя их нормы снабжения были выше, он шагал по узким, проложенным среди сугробов снега, тропинкам. Встречались лишь редкие прохожие. У булочной было люднее. Высокий, худой мужчина жадно ел порцию хлеба, сидя прямо на ступеньках. Тут же старушка продавала детские игрушки - остались, видно, от уехавших в эвакуацию или погибших внуков. "Как трудно людям", подумал Каштанкин и, не оглядываясь, пошагал дальше, на проспект Майорова, где жила мать стрелка-радиста его самолета.

Звонок не работал, и Каштанкин несмело постучал в дверь.

Открыла высохшая, словно с восковым лицом старушка.

Представившись, Виктор Николаевич протянул ей пакетик с едой:

- Примите от сына!

Сверток женщина не взяла, быстро заговорила:

- А ведь вы это зря. И он зря. Пусть сам как следует ест. И не говорите ничего, - сказала она, хотя капитан молчал. - Все понимаю, всем сейчас лихо. Ему расти, воевать. А я и помру - не беда, едоком в городе меньше. Не возьму и только.

Каштанкин думал и о ее упрямстве, и о том, что она по-своему права, эта строгая с виду старушка. Стал объяснять, что в часть больше не вернется, будет служить в другом месте и вернуть посылку не сможет.

- Тогда себе возьмите! Как там Ванюша? Да войдемте в комнату, что в коридоре стоять.

- Простите, некогда мне. Еще надо побывать по нескольким адресам, а транспорт... Сами знаете, какой в Ленинграде сейчас транспорт...

- Из сверточка-то покушайте!

- В тыл я еду, на Большую землю, там еды много. Берите же! - снова протянул он сверток.

- Ничего, видно, не поделаешь, возьму, - согласилась женщина.. - А вы заходите, коль вернетесь в Ленинград!

Вернется, нет ли... Этого он тогда не знал... На бульваре Профсоюзов, где жил штурман эскадрильи, на стук открыли не сразу. На лестницу вышел пожилой, обросший бородой, с длинными волосами мужчина в смятом зимнем пальто. Когда капитан спросил об отце и жене штурмана, резко отрубил: "На работе..."

- Вот это передайте, пожалуйста, - попросил Виктор Николаевич, - здесь мыло и папиросы. И еще скажите, что штурман наш жив и здоров.

- Исполню, - буркнул мужчина, плотно закрывая дверь прямо перед лицом летчика.

"Тепло бережет. Даже зайти на минуту не предложил", - подумал Каштанкин. Эту мысль сразу вытеснила другая. "А ведь я его где-то видел. Да, да, на сцене видел. Не узнал бы ни за что, если бы штурман не рассказал, что в их коммуналке проживает известный конферансье. Тогда на концерте он показался веселым, общительным не только внешне. Война, голод и людей изменили. Пожилого артиста, кажется, сломала. Стричься, бриться и причесываться перестал. Совсем опустился человек. Таким выживать труднее..."

Чтобы попасть к третьему адресату, следовало миновать

площадь Труда и мост Лейтенанта Шмидта. С моста было видно, как на Неве, у прорубей, собираются группы людей - женщины и дети с чайниками, ведрами, кастрюлями. Поражала тишина, с какой они делали свое дело. Молча подходил к проруби человек, набирал воды и так же молча уходил.

В квартиру на Университетской набережной Виктор Николаевич не достучался. Спускавшаяся по лестнице женщина объяснила, что не живут здесь родители летчика, переехали на время к родственникам, у которых есть печка, а куда - не знает.

Капитан спустился по лестнице вниз, к выходу. Сверток с хлебом отдал двум тощим замерзшим мальчишкам, которые везли с Невы на санках небольшой самовар с водой.

Назад Виктор Николаевич возвращался по Республиканскому мосту. Слева остались зенитные орудия, установленные у здания бывшей Фондовой биржи, у проруби - та же немая, скорбная очередь...

Документы для следования к новому месту службы Каштанкину оформили быстро. Теперь можно проститься с городом, но не с привычным, кипящим жизнью, а с городом хмурым, в котором все сильнее властвовали голод и холод.

Но Каштанкин знал твердо, что как стрелка компаса всегда движется к северу, так и люди всегда тянутся к жизни. Врагу не удалось и не удастся задушить и покорить Ленинград ни голодом, ни холодом, ни обстрелами, ни бомбежками. Город живет, борется, и непременно выстоит. Все дело в сроках, в силах, которые накапливает фронт. А защитники Ленинграда не только оборонялись, но и наносили удары по врагу.

Еще Виктор Николаевич знал, что можно победить в одном, в другом бою, но пока идет война - это временный успех. Фашистские войска стоят на подступах к Ленинграду. Не знал и не мог знать тогда Виктор Николаевич, что примерно через год успешно завершится операция "Искра". Блокада города будет прорвана, "фляшенхальс" - бутылочное горлышко, как враг называл свою шлиссельбургскую группировку, будет разбита вдребезги, на такие мелкие осколки, собрать которые воедино окажется невозможным.

Занятая советскими войсками узенькая полоска земли вдоль Ладожского озера даст возможность пустить поезда, прочно соединить Ленинград с Большой землей. Каштанкин не знал, когда и как это произойдет, но знал, что будет именно так, потому что всегда, с первого часа войны верил в нашу неминуемую победу.

11

В первый день нового, 1942 года, находясь в запасном полку,

Виктор Николаевич написал жене в Борисоглебск: "Трудности и тяжести войны легче переносит тот, кто внутренне собран. Мои боевые товарищи, живые и погибшие, просто решали вопросы войны: жить героем и умереть героем. Искусственно беречь себя я не умею. Когда действуешь смело - останешься цел, а враг понесет большой урон".

В этом письме капитан Каштанкин как бы суммировал итоги боев сорок первого, размышлял о том, что помогает одержать победу в бою. И еще в письме есть главное - вера в новые успехи, в победу.

Может показаться, что летчик несколько переоценивает свои боевые достижения. Но то, что ратные дела Каштанкина были отмечены правительственной наградой, подтверждает справедливость его слов. А в 1941-м, в период наших временных неудач и отступления, не щедро давали боевые ордена.

Старший начальник, вручая Каштанкину орден Красной Звезды, пожелал заслужить в предстоящих трудных боях новые награды. Напомнил, что легких боев не бывает, но самый трудный - ближайший, который предстоит вести. Потом будет следующий, опять самый трудный...

Напряженные недели переучивания на новую технику - "летающий танк" Ил-2 промелькнули, словно один длинный день. Но не бои ждали летчика, а дело, пожалуй, не менее трудное, чем бои: напряженная и опасная работа летчика перегонщика самолетов.

О летчиках-перегонщиках известно немного. О них не писали газеты и журналы, им не посвящали кинофильмы и песни, нет о них художественных произведений и военных мемуаров. Пожалуй, трудно объяснить причину такого отношения к людям, сочетавшим одновременно деятельность летчика-испытателя и фронтовика. В самом деле, летчик получал на заводе новую машину, налетавшую 20-30 минут, потому что на заводском аэродроме самолет производил лишь взлет, летал по кругу и совершал посадку. Каждую машину во время войны всесторонне испытывать не было времени. Фронт требовал непрерывного пополнения техникой, и вели ее с заводов на фронтовые аэродромы чаще всего летчики-перегонщики.

У каждой машины свои особенности в управлении, на виражах, это учитывал летчик, за которым машина закреплена постоянно. Этого не могли знать пилоты, становившиеся ее хозяином лишь от завода до боевой части. Тут они продолжали путь летчиков-испытателей. Но, приближаясь к линии фронта, они принимали эстафету летчиков-фронтовиков; при ограниченном количестве боезапаса к пушкам и пулеметам - на

заводских аэродромах его было немного - вступали в бой с врагом. Не все и не всегда побеждали, но все стремились свято и до конца выполнить воинский долг.

Закончив учебу, капитан Каштанкин стал перегонять самолеты из тыла в окруженный врагом Севастополь.

...Позади осталось притихшее Кавказское побережье. Самолеты шли над морем на запад. Каштанкин вел эскадрилью курсом на Крым, чтобы передать штурмовики морским летчикам. Виктору Николаевичу, человеку любившему и знавшему русскую литературу, вспомнились слова одного из защитников города Л. Н. Толстого: "Не может быть, чтобы при мысли, что вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтобы кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах..." Приземлившись на обстреливаемом врагом аэродроме, он подумал: "Будто писал Толстой про наши дни..."

Господствующими высотами у города владел враг, а аэродромов было всего три. Несмотря на тяжелый скалистый грунт, обстрелы и бомбежки, жители города расширили их, построили укрытия для людей и машин. Весной и зимой сорок второго сюда и прилетали самолеты Каштанкина и его боевых друзей. Иногда приходилось садиться под огнем, и заруливать в укрытия, и улетать на транспортных самолетах за новыми "илами". Летчиками владело одно стремление: быстрее доставить машины героическому городу, не потерять ни одной из них в пути - пути трудном и опасном, на котором не раз подстерегали вражеские истребители.

При последнем штурме Севастополя в июне 1942 года летчики особой авиагруппы, в которую были сведены все самолеты, оборонявшие город, провели свыше 1600 бомбо-штурмовых ударов, уничтожили свыше 100 самолетов противника, около 50 танков, более 300 автомашин, немало другой техники. Громадная нагрузка в тех тяжелых боях при превосходстве врага в воздухе ложилась на самолеты Ил-2, что пригнал с Кавказа Каштанкин и пилоты его эскадрильи.

Поднявшись в воздух, севастопольские штурмовики и бомбардировщики шли в сторону моря, вдали от берега набирали высоту и возвращались к намеченным для удара целям. Только так можно было обмануть врага, обладавшего превосходством в воздухе и большим количеством зенитной артиллерии.

Случалось, что гитлеровцы часами обстреливали из орудий последний оставшийся у нас Херсонский аэродром. В короткие паузы летчики все же успевали подняться в воздух. Случались на взлете и аварии, когда самолет попадал колесами в свежую воронку.

Последние семь "илов" улетели с аэродрома у Херсонесского маяка незадолго до того, как наши войска оставили город. Они перелетели в Анапу, участвовали в обороне Кавказа. А обстановка на южном направлении летом и осенью 1942 года складывалась трудная. Овладев Ростовом и всем Крымом, немецко-фашистское командование готовило операцию по захвату Кавказа. В те дни большую помощь сухопутным войскам оказывал Черноморский флот и его авиация.

12

В июне 1942 года капитан Каштанкин стал командовать отдельной штурмовой авиаэскадрильей. Летчики наносили удары по наземным войскам противника, скоплению судов в портах Керченского и Таманского полуостровов. За короткое время эскадрилья капитана Каштанкина потопила 12 транспортов, уничтожила 63 самолета и немало другой вражеской техники и живой силы."

Как всегда, получив в штабе задание, Каштанкин поспешил на самолетную стоянку. Двигатель его "ила" работал на полных оборотах. "Механик включил форсаж", - подумал он, вслушиваясь в рев мотора. Идущая от вращающегося винта упругая воздушная струя подхватывала пыль и сухую траву и, поднимая их ввысь, несла к другому концу аэродрома.

- Самолет к полету готов, - доложил летчику, спустившись с плоскости, авиамеханик и, улыбнувшись, добавил: - Мотор - зверь, работает как часы.

Капитан тоже улыбнулся. Слишком уж несовместимыми ему показались слова "зверь" и "часы". Он хотел сказать об этом механику, но передумал: не стоило тратить время на не относившиеся к делу разговоры. Летчик поднялся в кабину и двинул сектор газа вперед, самолет вырулил к старту.

Взлетев, Каштанкин повел свою машину над краем аэродрома, а когда круг замкнулся и он повернул к фронту, за ним легли на курс и остальные шесть "илов". За облаками штурмовики пересекли передний край и стали снижаться.

Он повидал уже немало фронтовых дорог с глубокими колеями, с остовами сгоревших автомашин и танков по сторонам и близ обочин. Теперь его интересовал не железный лом, а конкретная цель.

Штурмовики пробились сквозь облачность, и широкая степь, перечеркнутая черной ленточкой дороги, открылась до самого горизонта.

Капитан сразу увидел то, что они искали: колонну крытых автомашин. Он немного развернул самолет и начал пикировать. Первая бомба взорвалась рядом с головным грузовиком, который

тут же перевернулся, будто бы не многотонная машина, а легкий спичечный коробок, и запылал желто-черным пламенем. Другие автомобили стали сворачивать в сторону. Гитлеровцы попрыгали на дорогу, разбежались по кюветам. Но пушки и скорострельные пулеметы "илов" косили убегавших фашистов. Десятки вражеских солдат остались лежать у обочин;

Вперед удалось вырваться лишь одному грузовику. Круто обойдя горящие машины, снова выскочил на дорогу и помчался дальше. Обстановка для его атаки была самой простой - одиночная машина и нет зенитного огня.

- Атакуй! - приказал Каштанкин ведомому младшему лейтенанту Хромову, пришедшему недавно в эскадрилью из училища.

Наблюдая за его действиями, готовый прикрыть ведомого в случае опасности, Каштанкин заметил, что Хромов пикирует слишком круто. "Промажет", - подумалось, но вмешиваться в действия ведомого было поздно. Водитель грузовика дал полный газ, машина рванулась вперед, и в этот же миг Хромов открыл но ней огонь...

Слишком резко вывел ведомый свою машину из пикирования.

- Порядочек в летных частях? - спросил разгоряченный боем младший лейтенант, когда они вернулись на аэродром.

- В основном, - нехотя ответил капитан. Каштанкин понимал: сказал не то, что думал, а такой ответ ничего не даст для учебы. Но не решился сразу начать разговор с ошибок летчика. Вообще стоит ли ему говорить о слишком крутом вираже - ошибка не велика и цель поражена?

- Идите обедайте, - сказал Виктор Николаевич, - потом поговорим.

О чем же будет он говорить с молодым летчиком? Ему прежде всего помощь нужна, поддержка. Но и учеба - тоже.

- "Стоял он, дум великих полн", - услышал Виктор Николаевич знакомый голос комиссара полка Салова, которого знал еще по Балтике.

- Думы, товарищ батальонный комиссар, о прошлом вылете, о ведомом, как помочь ему лучше.

- Разговор, вижу, серьезный. Пойдемте ко мне, обмозгуем вместе.

Капитан подробно рассказал о бое, о неполучившемся разговоре с ведомым и своих размышлениях после полета.

- Для начала скажу, что тут лобовой атакой делу не поможешь, - заметил батальонный комиссар. - Зачем вчерашнего курсанта ругать. Хорошо что вы об этом подумали. Ход нужно найти, чтобы рос человек.

- Какой? - нетерпеливо спросил Каштанкин.

- Если бы мы с вами знали все рецепты на разные случаи жизни, как легко и просто было бы работать, - улыбнулся Салов. - Хотя случай ваш, понятно, не самый сложный!

Виктор Николаевич подумал, что батальонный комиссар уже много раз говорил подобное. "Сказал, лишь бы не угас разговор, а сам думает, как помочь молодому летчику и мне".

- Есть такой термин в авиации - "потолок", - продолжал Салов.

- Понимаю, наибольшая высота, на которой способен действовать самолет, - усмехнулся Каштанкин, еще не догадываясь к чему клонит комиссар.

- Потолок подъема машины ограничен техническими возможностями. Так?

- Согласен, - ответил Виктор Николаевич.

- А потолок роста летчика, его знаний, мастерства? Это зависит прежде всего от стремления достигнуть большего.

Виктор Николаевич уловил главную мысль политработника. Беседу с ведомым надо повернуть так, чтобы он понял: успеха добивается тот, у кого выше личный потолок. Надо развивать стремление к знаниям, быть строгим к успехам и промахам своим и молодежи.

- Но перспективу, перспективу не забудьте! - добавил батальонный комиссар, - чтобы вперед идти, к потолку...

- Попробую, теперь должен разговор получиться, - сказал Каштанкин.

- И у меня тоже, - согласно кивнул комиссар. - С другими летчиками. Тему вы мне хорошую для размышлений подбросили... Пусть мы ведем бои, которые не попадают в сводки. Не войдут они и в учебники тактики, но нет предела совершенствованию. Верно я говорю?

- А ведь большой смысл для нас, летчиков, в этом термине - потолок! подхватил Каштанкин.

- Вы куда идти собираетесь? - спросил, помолчав, батальонный комиссар Салов.

- На стоянку, - ответил Каштанкин. - Оттуда в полевые авиаремонтные мастерские. Наш самолет там ремонтируют. Взглянуть, как идут работы.

- Можно и я с вами пойду? Не возражаете? - спросил комиссар полка.

Каштанкин отлично понимал, что комиссар, конечно, не должен спрашивать согласия командира эскадрильи. Но таков уж он, Салов: до мозга костей летчик и ровно настолько же интеллигентный человек.

- Очень рад такому предложению, - с улыбкой ответил Виктор

Николаевич.

У расчехленных штурмовиков, стоявших в капонирах, работали авиаторы. Одни осматривали машины и проверяли приборы, другие носили к самолетам землю, чтобы сделать укрытия повыше и пошире, понадежнее. Комиссар попросил дать ему носилки, чтобы поработать вместе с летчиками и техниками. "Знаем, сколько вы летаете, потом еще работаете, - ответил один из техников. Отдыхайте, мы сами справимся". Так уж получилось, что носилок Салову никто не давал. Он приказал принести от мастерских новые - для себя и Каштанкина, весело посматривал на работающих, мол, не по-вашему получается.

Виктор Николаевич заметил, что многие обращались к комиссару не по воинскому званию, а уважительно, по имени и отчеству, на вопросы комиссара отвечали обстоятельно, знали, что не любит он скороспелых, поверхностных суждений и его интеллигентность не помешает строго спросить за самые мелкие упущения.

- Разрешите обратиться, - подошел к комиссару незнакомый Каштанкину летчик из другой эскадрильи, молодой, невысокого роста младший лейтенант, и тихо добавил: - Давно с вами встречи ищу.

- Если давно, говорите скорее, пожалуйста. И если не секрет, то можно и при капитане, - ответил Салов.

- Да какой там секрет, - махнул рукой младший лейтенант. - Поскорее бы настоящее дело дали. Я же летать разучусь!

"Еще бритвы и помозка не знает, - отметил про себя Виктор Николаевич. Прибыл из училища, самолетов в полку не хватает. В общем, потолок, о котором комиссар говорил, видит только в дежурной комнате". Так все и оказалось, как подумал Каштанкин. Младший лейтенант просил назначить его летать с кем-нибудь посменно или допустить на "ил" хотя бы воздушным стрелком.

- Вас сколько времени учили? - перебил летчика Салов, причем таким резким тоном, какого Каштанкин в его разговорах не помнил.

- Больше двух лет, если с теоретической подготовкой считать, - понурил голову летчик, понимая, почему задал такой вопрос политработник.

- А воздушного стрелка в несколько раз быстрее готовят. Но не только это важно, не каждый рожден летать, не из каждого летчик может получиться. Будет и для вас, пилота, настоящее дело. Вы меня понимаете?

Лицо молодого лейтенанта просияло. Слова комиссара прозвучали для него как похвала за ревность в службе. Летчик оценил это и с благодарностью посмотрел на Салова. Однако

биться с врагом ему хотелось конечно же не в будущем, а сейчас, и он стоял на своем.

Характер настойчивый люблю, - шепнул комиссар Виктору Николаевичу, а в полный голос добавил:

- Говорите, что готовы летать, - значит, будете. Не воздушным стрелком, а в третью смену на моей машине. Салов не сказал, что самому-то ему не летать никак нельзя, но авиаторы знал об этом без всяких слов. А молодой пилот остыл, присмирел и как бы виновато обратился к политработнику:

- Вы, наверно, думаете, что мне легче говорить о первом боевом вылете, чем его совершить, а спорить с комиссаром куда проще, чем с врагом в воздухе?

Батальонный комиссар от души рассмеялся:

- Не робейте. Не был бы с детства "воинствующим безбожником", сказал бы, что не боги горшки обжигают. К тому же самолет - не горшок, а обжигаются и горят пусть фашистские пираты. Для начала, - продолжал Салов, - слетаете с командиром эскадрильи на учебном самолете, а к вечеру - в третью смену на моей "девятке"... Вон, смотрите, носилки несут, за работу!

Вместе с другими авиаторам комиссар и Каштанкин работали до вечера, пока по-южному, почти без сумерек, не настудила темнота.

Сложив носилки и лопаты, летчики и техники окружили батальонного комиссара. Говорили о том, что знают наземную обстановку лишь на своем участке, а что за радиусом действий - - представляют порой весьма смутно. Комиссар ответил, что обстановку перед всем фронтом знает командующий, но она меняется, и всем знать ее, наверно, не обязательно. В общих же чертах он готов о ней рассказать.

Все согласно закивали головами, и Салов стал говорить о продвижении врага к Большому Кавказу и Сталинграду, о необходимости стоять в каждом бою насмерть. С убежденностью сказал он о том, что еще до конца года фашисты выдохнутся, недолго осталось ждать перелома в войне...

Был уже поздний час, когда комиссар полка и капитан Каштанкин попали в мастерские. Здесь у штурмовика, при свете небольших Лампочек, подсоединенных к старому аккумулятору, трудились лишь краснофлотцы-ремонтники.

Вошедших окружили краснофлотцы, попросили, чтобы чаще бывали у них летчики, рассказывали о полетах и боевых делах.

- Тут такое дело, - степенью говорил один из моряков. - Латаем мы самолеты, видим пробоины от осколков, а вот картину боя и как наши летчики воюют, тоже знать надобно...

- Вот товарищ капитан как-нибудь зайдет и расскажет, -

сказал Салов, кивнув на Каштанкина. - У него впечатлений предостаточно.

- Наслышаны, что и вы, товарищ комиссар, в боях удачливы, но о себе никогда не говорите, - с хитринкой в голосе проговорил пожилой краснофлотец. - А ведь говорите все о других летчиках.

- Военная тайна, - попытался отшутиться Салов.

- Так и всегда, - не то с обидой, не то с одобрением сказал пармовец, о себе ни слова, все о других.

- Что я! О себе одно сказать могу: пока руки держат штурвал, а глаза видят небо и землю, буду сражаться, - ответил комиссар, - А что о себе расскажешь? Что-то было, а вроде ничего особенного и не было...

"Вот тут батальонный комиссар похож на большинство летчиков, - подумал Каштанкин, - многие так отвечают... А я что рассказал бы? Жене пишу кое-что, так это скорее для детей: когда вырастут, больше обо мне будут знать. Еще в газетах о нас писали. Меня ведь, если что, ребята и не запомнят. Малы еще очень..."

13

Передовицу в газете "Красный флот" первым прочитал батальонный комиссар Салов. Он сам разыскал Каштанкина и, вручая ему свежий номер, улыбаясь, сказал:

- Бывает ведь и так: похвалили человека, а он и успокоился. - Салов внимательно посмотрел в глаза капитану. - Ну, это к слову, потому что летчику без самокритики никак нельзя.

Каштанкин понимающе кивнул и, взяв газету, стал читать. Статья называлась "Бить врага всей мощью авиационного оружия", и были в ней такие строки:

"Наиболее эффективно действуют по аэродромам наши самолеты-штурмовики. Подразделение, которым командует капитан Каштанкин, только за один вылет бомбами и пулеметно-пушечным огнем уничтожило и повредило на земле свыше 20 вражеских самолетов... За короткий срок они разрушили несколько переправ, сожгли много танков, истребили сотни гитлеровцев..."

Но не сами по себе приходили боевые успехи. Стремление воевать лучше, обязательно победить, отыскать новые приемы, неудовлетворенность достигнутым всегда отличали Каштанкина. После одного из боев, в котором эскадрилья потеряла самолет, летчика и стрелка и не полностью решила задачу, он стал размышлять о том, что за призывом воевать активно, творчески подчас не стоят конкретные дела: бомбят с круга по одному - прием врагу хорошо известный, редко используются налеты с разных высот и направлений, не всегда грамотно проводится противозенитный маневр. Получалось, что прошлый опыт часто становится грузом, который тянет к шаблону в действиях на поле боя.

Виктор Николаевич потер переносицу; он иногда делал это, когда решал трудную задачу, и остро отточенным карандашом стал рисовать кружки и крестики - цели и самолеты. На бумагу ложились варианты боев: выход из-за облаков и со стороны солнца, атаки с разных высот и направлений.

Думая о завтрашних боях, капитан не забывал о тех, кому предстоит их вести. Его подчиненные - летчики, воздушные стрелки, техники - люди разные по роду выполняемой работы, опыту, знаниям. Взять хотя бы только летчиков: один точнее бомбит, другой - стреляет, третий больше привык к групповым ударам, четвертый инициативнее действует в одиночку. Это тоже надо учитывать, чтобы воевать эскадрильей творчески.

Такие мысли приводили к определенным решениям. Каштанкин посоветовался с парторгом эскадрильи и на совещании рассказал о своих раздумьях, обращаясь к схемам боев, приводя примеры удачных и неудачных действий подчиненных. И словно оживали нарисованные им крестики и кружочки, изготовленные механиками макеты наших и немецких самолетов, приходили в движение стрелы на картах.

Нашлось что сказать и предложить почти у каждого, разгорелись такие споры, словно проходило не служебное совещание, а беседа в курилке. Парторг эскадрильи улыбнулся: они с командиром так и задумали.

Пусть выскажется каждый, сердцем поймет, что можно и нужно воевать лучше.

Каштанкин слушал летчиков и размышлял о том, что заметно выросли они в последнее время. Не только о выполнении задач беспокоятся, но и какой ценой, как это сделать тактически грамотнее, надежнее. О себе Виктор Николаевич не думал, но это не меняло того обстоятельства, что в словах летчиков эскадрильи - его опыт, в мыслях - частица его мыслей, в их боевых победах его наука.

С гордостью смотрел Виктор Николаевич на товарищей. На похвалу он был в общем-то скуп, но тут не удержался, сказал, что неплохо умом пораскинули, теперь следует потрудиться, чтобы теория приобрела материальную силу.

Закончив выступление, отодвинул листы с кружочками и крестиками, макеты самолетов, раскрыл карту - боевое задание на завтра...

На другой день был бой, в котором "илы" стремительно, с различных высот и направлений нанесли удар по большой железнодорожной станции, скопившимся на ней эшелонам. Летчики видели, как у орудий метались вражеские зенитчики, не зная, с какой стороны ставить завесу летящим, казалось, со всех сторон штурмовикам.

Каштанкин ударил по батарее реактивными снарядами. У орудий запрыгал огненный смерч. Бомбы с других самолетов падали на вагоны, на станционные постройки. Загорелись составы, цистерны с горючим. Над железнодорожным узлом, закрывая небо черной гарью, заполыхало дымное пламя. Краснозвездные штурмовики уходили к своему аэродрому без потерь.

В авиации говорят, что разбор полетов - лучшая форма учебы. На нем, отметив удачные действия пилотов, командир эскадрильи сказал:

- Вы знаете, в налете участвовала "девятка". Фашисты вопили по радио, что их атакует двадцать "илов", просили прислать побольше истребителей. Небо врагу с овчинку показалось. - Каштанкин с теплотой, как и после вчерашнего занятия, оглядел летчиков и продолжил:

- Вот это бой! Доказали, что штурмовики не те, кто летает на самолетах-штурмовиках, а те, кто врага умело штурмует!

После первого, довольно легкого ранения в сентябре 1941

года пули и осколки зенитных снарядов словно облетали Виктора Николаевича стороной, хотя нередко он возвращался на аэродром на такой поврежденной машине, что механик самолета и моторист головами качали, как она в воздухе держалась, а Каштанкин виновато улыбался: "Привез вам, друзья, работы..." Но из последнего вылета он "привез работы" и техникам, и врачам.

В штурмовик попало несколько снарядов. Заклинило руль поворота, отбило часть стабилизатора. Самолет был еле управляем. Самого летчика тоже ранило. Раскаленный осколок снаряда пробил борт кабины и обжег кисть. Рука упала с ручки управления, самолет свалился вправо. Капитан перехватил ручку здоровой рукой и выровнял машину. Но нужно было не только вести самолет, но и управлять рычагом газа, обеспечивая питание мотору. Каштанкин закрепил сектор газа на средние обороты двигателя.

Кровь капала на пол кабины, и Виктор Николаевич почувствовал, что все больше слабеет. К горлу подступила противная тошнота. Он открыл фонарь кабины. В нее ворвался свежий, прохладный воздух. Словно чудодейственная живая вода, он давал пилоту сил.

Посадку капитан Каштанкин произвел на высокой скорости, и штурмовик долго скользил по траве. "Для самолета - это дорожка в ремонт, для меня - в госпиталь. Только бы покороче оказались эти пути-дороги", - подумал летчик.

14

Белая больничная койка, белый потолок, белые стены. Непроходящая боль в распухшей, одеревеневшей руке. Сосредоточенность и строгость в глазах хирурга при осмотре его раны, - значит, не такая уж она легкая у него, как казалось самому Каштанкину.

За окном сгущались сумерки. Виктор Николаевич натянул на голову одеяло. Мысли уносили его в прошлое, в Ленинград, в Ригу, а когда снова возвращались к сегодняшнему дню, беспокойно становилось на душе. Сможет ли он теперь управлять самолетом, не закроет ли рана ему дорогу в небо?

Каштанкин представил кабину "ила". Перед ним ручка управления самолетом с боевыми кнопками пушек и пулеметов, за ними приборная доска - высотомер, указатель скорости, авиагоризонт, манометры. Справа - электросбрасыватель бомб и реактивных снарядов, слева - рукоятка управления режимом работы двигателя - сектор газа. Все это было настолько знакомо, что капитан физически почувствовал себя рядом с приборами, в кабине штурмовика. Ему вдруг представилось, что рули - продолжение ног, а продолжение рук - крылья. Но могут ли

крылья быть продолжением изуродованной руки?..

Дни складывались в недели, недели в месяцы. А лечат не только врачи, лечит и время. Радовали и добрые вести с фронтов, а у победителей раны всегда заживают быстрее. Побеждал их и сильный, молодой организм летчика.

- Молодцом! Молодцом! - похвалил его при обходе врач, осмотрев рану.

- Значит, скоро и летать смогу? - спросил Каштанкин, хотя этот вопрос уже задавал врачу много раз.

- Все будет, как было. Летайте в небе, да не забывайте, что фашизм с землей сделал! - задумчиво проговорил врач, наверно, вспомнив о погибшей семье.

- Ничего не забуду, доктор!

И вот он пришел - последний вечер пребывания в госпитале. Последний обед, последний ужин. Последняя вечерняя прогулка. На западе еще горела светлая полоска уходящего дня, а с востока надвигалась ночь. "За ней придут другие, новые дни. Что принесут они?" - подумал Виктор Николаевич. На сердце у него было светло и радостно, крепла уверенность в том, что следующие дни и месяцы принесут добрые вести с фронтов, удачно сложится боевая судьба.

Было радостно еще и потому, что по дороге из госпиталя в запасной авиационный полк предстояло свидание с женой. Он послал телеграмму, чтобы Вера Афанасьевна приехала на станцию, мимо которой должен будет пройти его поезд.

- Скоро станция Поворино? - спросил Виктор Николаевич проводницу.

- Вы, товарищ, пять минут назад об этом спрашивали, я ответила: через час!

Неужели прошло всего пять минут и почему так медленно идет поезд? Что он так разволновался? Может, и не приедет жена, запоздала телеграмма или дети нездоровы, тогда вовсе не вырваться, а в это Поворино сколько времени добираться...

Задолго до остановки Виктор Николаевич вышел в тамбур. Вот семафор, вот и станция.. Жену он увидел сразу. Впереди у них было пять минут - время стоянки поезда. Хотелось сказать многое, очень многое, и вдруг все главные слова пропали, остались простые:

"Дети здоровы, растут. На тебя похожи...", "Мои раны зажили. Все хорошо...", "Я так соскучилась, хотя бы дали отпуск...", "Какой отпуск, такая война..."

А может быть, эти простые слова и были самыми главными...

Как мгновения пролетели минуты: примерно по полторы за каждый год ожидания встречи.

Ударил станционный колокол. Он тихо сказал:

- Пора. Пора...

Она ответила: "Береги себя", а знала, что не будет беречь, не такой он человек.

Капитан запрыгнул в вагон на ходу.

На всех фронтах от Баренцева моря до Черного полыхала война, и надо было спешить.

15

Немало городов больших и малых повидал Виктор Николаевич за свою жизнь, а вот небольшой городок, на окраине которого стоял запасной авиационный полк и где пришлось служить с осени сорок второго, так и не увидел. Запомнился лишь небольшой грязный вокзал, куда приехал после госпиталя и откуда уезжал в мае 1943 года, получив новое назначение.

Здесь же в запасном полку его разыскало письмо-треугольник, Виктор Николаевич повертел в руках конверт, почерк незнакомый, под обратным адресом четко выведено "Федоров". Каштанкин никак не мог вспомнить, кто он, где перекрещивались их жизненные пути-дороги. Но когда вскрыл письмо, то сразу понял: Федоров - тот летчик, который просился у комиссара Салова послать его в бой, хотя бы воздушным стрелком. Комиссар полка тогда разрешил ему летать с ним посменно на одной машине. "Помню, мы встретились, когда вы уезжали по ранению в госпиталь, - писал летчик. - С трудом узнал, где вы теперь служите, и решил написать о дорогом для нас обоих человеке - комиссаре Салове. Правда, в последнее время он был уже не комиссаром, а заместителем по политчасти, но все по-прежнему называли его комиссаром. Так и я его называю в письме.

Он не должен был лететь в трагически закончившийся полет. И вообще не дело политработника части выполнять обязанности воздушного стрелка. Помните, при вас был разговор, когда он мне говорил, что летчика готовить дольше и труднее. Но случилось так, что воздушный стрелок на одной из машин был ранен, а "ил" комиссара находился в ремонте, и товарищ Салов сел к пулемету в заднюю кабину.

Их сбили за линией фронта. Горящий самолет сел в поле у редкого кустарника. Летчики хотели скрыться, чтобы потом перебраться через линию фронта к своим, но их окружили фашисты. Тогда комиссар и летчик вернулись в машину, и комиссар из задней кабины бил по врагам из пулемета, пока не взорвался штурмовик.

Об этом мы узнали через несколько дней от местных жителей.

В тот день я был принят в партию. Я поклялся быть таким же, каким был наш незабвенный товарищ комиссар..."

Каштанкин разгладил ладонью листок. Скорбная весть всколыхнула в памяти все те немногие встречи с Садовым, разговоры, которые они вели. Высокие слова, свои призывы комиссар подкреплял делом каждый день и час, он подтвердил их и героической смертью. И еще Виктор Николаевич подумал, что, оказывается, жизненный потолок летчика, о котором когда-то говорил Салов, проявился даже не на высоте, не в заоблачной дали, а у земли и на земле.

В марте 1943 года Каштанкину было присвоено звание майора, а вскоре он получил совершенно неожиданное назначение: на западе шли жестокие бои, а его направили в сторону, противоположную от фронта, на Тихоокеанский флот. На его рапорт послать на фронт ответили, что его боевой опыт принадлежит не ему одному, его надо передавать молодежи, помогать осваивать новые машины, которые только начали получать дальневосточники.

Путь майора Каштанкина пролег через всю страну. Поезд уходил из затемненного города. По дороге с непривычки удивляли освещенные, как казалось, живущие без войны, мирной жизнью города, а прибыл в затемненный Владивосток. Ни единого огонька, патрули на улицах города.

"Война далеко, а будто снова на фронте", - подумал Виктор Николаевич, ожидая приема у командующего авиацией. Он вспомнил о провокациях на восточных границах - на Хасане, на Халхин-Голе, подумал, что и сейчас по обе стороны границы заряжено оружие. Дальневосточный округ преобразован во фронт, и он находится в повышенной боевой готовности...

Об этом напомнил в беседе командующий, затем перешел к положению в авиационном полку ВВС Тихоокеанского флота, которым майору предстояло командовать.

Каштанкин принял полк, куда поступали новые "илы" и прибывали молодые летчики. Началась напряженная учеба. Много часов он провел в воздухе, летал с каждым командиром эскадрильи и командиром звена.

Опыт - дело наживное. Результаты сказались довольно скоро. Личный состав был быстро переучен на новую материальную часть. Требовательные и обычно скупые на похвалу проверяющие не раз отмечали, что боевая готовность, тактическая подготовка летчиков части и техническое состояние самолетов хорошее.

Бывший сослуживец Каштанкина по 37-му авиационному полку ВВС Тихоокеанского флота А. А. Харитоновский рассказывал о В. Н. Каштанкине как об умелом воспитателе,

мастере воздушного боя, требовательном офицере, человеке солидных военных знаний и большого общего кругозора. "Будучи в гостях у подводников, к их удивлению, он подробно говорил о тактико-технических характеристиках кораблей ряда стран мира, сравнивал их боевые возможности и мореходные качества. А когда в части по некоторым вопросам не хватало технической литературы, летчики пользовались чертежами, схемами, рисунками и конспектами Виктора Николаевича. С ним интересно было беседовать о литературе, музыке, театре..." - вспоминал Александр Александрович.

Часть майора Каштанкина была на Тихоокеанском флоте на хорошем счету. Летчики отличались высокой подготовкой, подразделения - слетанностью. Кадровый военный, Виктор Николаевич почти всю сознательную жизнь готовил себя к войне. Но теперь личной подготовки было мало, надо было учить других для этой черновой военной работы - боев.

Он готовил пилотов с учетом изменений в технике и тактике, воспитывал у них решительность, самоотверженность, мужество.

Все время службы на Дальнем Востоке Каштанкин не терял надежды 'вернуться на фронт.

- Вот подживут раны, обучу и воспитаю своих орлов, а потом опять воевать буду, - говорил он товарищам.

Решив, что такое время пришло, он подал рапорт генералу, своему начальнику: "Все годы учебы в мирный период я готовился к войне. Ради любви к военному делу я пошел добровольно на флот, а затем в авиацию... Пошлите меня в действующую часть. Здесь есть офицеры, которые вполне заменят меня".

В январе 1944 года его просьбу удовлетворили. Майора Каштанкина направили в распоряжение командования ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Он получил назначение в стоявший под Ленинградом 7-й гвардейский штурмовой авиационный полк помощником командира по летной подготовке. "Назначением я исключительно доволен, - делился он новостями в письме другу. - Снова настоящая боевая работа, причем в самых дорогих для меня местах". Он возвратился в края, где юношей начинал трудовую жизнь, а затем службу на флоте, где закончил теоретический курс школы летчиков и откуда уезжал в трудные блокадные дни.

Больше двух лет немецко-фашистские войска создавали укрепления под Ленинградом. "Неприступным северным валом", "стальным кольцом" называли свою оборону гитлеровцы. И все это "неприступное", "стальное", "долговременное" было сокрушено нашими воинами за пять дней.

В ранний предрассветный час 14 января 1944 года скрытно

сосредоточенная командованием на Ораниенбаумском плацдарме - небольшом пятачке земли, откуда меньше всего фашисты ожидали наших активных действий, 2-я ударная армия перешла в наступление. На день позже, 15 января, после почти двухчасовой артподготовки, прижимаясь к своему огненному валу - частым разрывам снарядов, двинулись на Пулковские высоты дивизии 42-й армии Ленинградского фронта. С воздуха наши части вместе с авиацией фронта поддерживали Военно-Воздушные Силы Краснознаменного Балтийского флота.

Ночью флотские бомбардировщики нанесли удар по коммуникациям, разгромили штаб дивизии в Ропше. Но к утру погода окончательно испортилась.

В тот день из-за непогоды летали только "илы" штурмовой авиадивизии. Военный совет Ленинградского фронта объявил благодарность всем экипажам морской авиации, совершившим боевые полеты 14 января.

В последующие дни юго-восточнее Ропши соединились войска, продвигавшиеся из пригородов Ленинграда и из Ораниенбаума, образовав единый фронт наступления.

Каштанкин вернулся в только что освобожденный от блокады Ленинград в начале 1944 года. В городе он пробыл недолго, всего несколько часов, но и за короткое время успел разглядеть произошедшие перемены. На предприятия и в дома пришли свет, вода и тепло, чисто было на улицах, бойко работали магазины, транспорт. Главное - иными выглядели люди, они будто распрямились и помолодели. Теперь они были лучше одеты: вместо фуфаек - пальто, женщины вынули цветастые платки, меховые шапочки. Небольшие эти детали говорили о многом: город победил, он восстанавливал хозяйство, залечивал раны...

Фамилию командира 7-го гвардейского штурмового авиаполка гвардии майора А. Е. Мазуренко Каштанкин слышал много раз, читал в газетах о его славных боевых делах, и вот теперь состоялось их знакомство. Молодое приятное лицо с гладко зачесанными назад темными волосами, живые выразительные глаза, аккуратно подстриженные усики. Командир полка показался Виктору Николаевичу моложе своих лет. Держался он просто, дружески, рассказал об участии летчиков в прорыве блокады, заметил, что враг находится не слишком-то далеко от города, наступление продолжается и боевой работы хватает. Посоветовал пойти на стоянку самолетов, познакомиться с людьми.

- Вот и начнем знакомство с инженера полка, легок на помине, - сказал Мазуренко, поправляя черно-смолистые усы. - Подчиненные о нем говорят: "Он мог бы даже без ключей сменить

две дюжины свечей!"

- Признание высокого класса работы, - заметил Каштанкин.

Человек подвижный, никогда не сидящий без дела, с открытым добрым лицом, инженер-майор произвел на Виктора Николаевича самое благоприятное впечатление.

- Чего меня рассматриваете, не девушка, - улыбнулся он, - пойдемте самолет покажу, с экипажем познакомлю.

У расчехленного самолета, к которому привел инженер полка Каштанкина, колдовали специалисты, проводили регламентные работы.

- Вот ваш командир экипажа, но начальник не только ваш - новый помощник командира полка майор Каштанкин, - представил Виктора Николаевича инженер.

Майор познакомился с техником самолета, представился и невысокий круглолицый юноша в черной летной куртке с коричневым меховым воротником:

- Краснофлотец Кузнецов, воздушный стрелок.

- Вместе летать будем, - сказал майор, протягивая руку.

- Рад, что с таким опытным летчиком.

- Сами-то откуда? - спросил Каштанкин, внимательно разглядывая авиатора.

- Из Сибири. Призывался в Новосибирске. Не бывали?

- Только проездом. Один вокзал видел, - ответил летчик. И спросил: Учились или работать довелось до службы?

- Токарем работал на заводе. Каштанкин оживился, переспросил:

- Да ну? Токарем?

- Точно! Но почему, товарищ майор, вы сомневаетесь? - немного растерянно спросил воздушный стрелок, не понимая еще, почему именно его специальность так заинтересовала командира.

Каштанкин рассмеялся:

- Ведь я тоже токарем в молодости был. В Ленинграде на заводе имени Карла Маркса работал.

- Вот оно что! Тогда здорово получилось!

- Два токаря в одном экипаже. Надо, чтобы рабочая хватка в делах видна была. Спрос с нас двойной будет, однако уверен, что общий язык всегда найдем!

- Так и будет, товарищ майор! Еще летать бы побольше.

- Будем летать. Войны впереди много!

На новом месте службы Каштанкин с головой ушел в боевую работу. Его действия в воздухе были примером для многих летчиков. Он стремился выходить на цели поточнее, поразить их с первого захода, умело использовал облачность и характер

местности. Как помощник командира полка он был требователен к людям, заботился о них, учил умело действовать в бою.

Целью удара на тот раз было прифронтовое село, превращенное врагом в опорный пункт обороны. Разведка донесла, что, выселив местных жителей из села, фашисты устроили в нем склады, в домах оборудовали казармы. Выйдя к селу шестерка штурмовиков сбросила бомбы. Каштанкин увидел, как уже после первых разрывов запылали дома-казармы, по улицам заметались солдаты.

На втором заходе шестерка краснозвездных самолетов обрушила на противника огонь всех пушек и скорострельных пулеметов. Вскоре разрозненные очаги пожаров слились в одно сплошное огненное море.

Повторный вылет по тому же маршруту произвели в предвечерние сумерки. Противник не ждал налета. Солдаты раскапывали развалины, другие ушли отдыхать в уцелевшие землянки. В это время и загремели взрывы, завершившие разгром вражеской части.

В те дни задания экипажам штурмовиков были, в общем-то, похожими друг на друга: летчики поддерживали пехоту, наносили удары по вражеским позициям. Но появилось и новое, так как гитлеровская авиация стала активнее противодействовать нашим налетам. Поэтому все чаще стали летать с истребителями прикрытия. Их бывало немного, но бились летчики мужественно, нередко принимали удары на себя.

И в это ясное утро Каштанкин снова повел в бой шестерку "илов". В полете их прикрывали четыре истребителя. Выполнив задание, самолеты возвращались на аэродром. В пути, невдалеке от линии фронта, группу перехватили "мессершмитты". Бой завязался на малой высоте. Имевший численное превосходство противник беспрерывно атаковал.

С короткой дистанции "яки" сбили ведущий самолет врага. Второй проскочил место схватки и стал набирать высоту. Его мгновенно поймал в прицел командир звена истребителей, и обломки разваливающегося в воздухе "мессера" полетели к земле.

Вражеские самолеты повернули назад. Два "яка" бросились преследовать фашистов, а два продолжали выполнять основную задачу, защищая штурмовики.

Возбужденных, разгоряченных боем летчиков встретил заместитель командира полка по политчасти гвардии майор Мелкий. Он попросил Каштанкина задержаться, чтобы побеседовать, как он выразился, о важном деле.

- О штурмовке знаю, - сказал он. - А как взаимодействовали с истребителями?

- Отлично! Истребители - настоящие герои! Погнали "мессеров" - пятки у тех засверкали.

- Что вы мне одному, всей эскадрилье об опыте последних боев надо бы рассказать!

- Хорошо, подумаю, - не сразу ответил майор.

- Вот до вечера и подумайте, или поручение не нравится?

- Да нет... Чем богат, тем и поделюсь. Знания и опыт - дело наживное.

Вечером многие летчики и техники пришли в клуб на беседу.

- Почему мы выиграли утренний бой? - начал без предисловия Каштанкин. Прежде всего потому, что штурмовики и истребители умело применяли оружие, друг друга поддерживали огнем и маневром. Война - сложный труд. Я не оговорился - труд. Успеху в бою предшествуют изучение техники, тактики... Чтобы еще выше поднять боевой дух летчиков, - продолжал Каштанкин, - на взлетно-посадочную полосу вынесли знамя части, и каждый летчик поклялся не щадя своих сил бить врага. По-моему, взлетно-посадочное "Т" - это не только место взлета и посадки, а буква с огромным значением. С нее ведь такие слова начинаются, как товарищ, традиции, труд...

Авиаторы встретили слова Виктора Николаевича аплодисментами. Они все гордились боевыми делами и штурмовиков, и истребителей - своих собратьев по оружию пилотов и техников полка.

Майор рассказал о тактике передовых экипажей, понимающих сердцем небо и самолет - свое боевое оружие...

У каждого самолета, как у человека, своя судьба. Одна машина служит долго, налетает много часов, украсится звездочками, по числу одержанных летчиком побед. Другая, не набрав и часа летной жизни, погибает в бою. Но судьба самолета всегда в руках летчика и техника. Выше летное искусство пилота, мастерство техника - дольше живет машина. И в полете она опирается не только на подъемную силу крыла, но V на плечи авиамехаников, техников, оружейников, мотористов. Истина эта известная, и все-таки нет-нет да возникают среди авиаторов разговоры, подобные тому, который шел однажды в кабинете майора Мазуренко после полетов.

Майор Каштанкин докладывал командиру полка о своем вылете, отметил удачные действия молодого летчика, высокие летные качества машины, а о работе техников почти ничего не сказал. Инженер по эксплуатации, недовольно мотнув головой, заметил, что нельзя забывать техсостав.

- Да ведь среди летчиков немало молодых, а технический состав, вашими заботами, опыт хороший имеет, там все

нормально, - возразил Каштанкин.

- Так вот, "вашими заботами", - повторил нараспев инженер. - О техниках, значит, - наши заботы, - о летчиках - ваши? Так, что ли?

- Я понял, товарищ инженер-майор, на что намекаете. "Летун" на всем готовом выскочит в воздух на сорок минут, ему честь и хвала. И награды повыше и отдыха побольше, - сказал Каштанкин и посмотрел на Мазуренко, словно ища поддержки.

Но командир полка не спешил высказывать свое мнение.

- Не совсем так. Роль летчика никто не отрицает, он главная фигура в авиации, но о тех, кто на земле победу кует, тоже надо вспоминать почаще, стоял на своем инженер полка.

- Это в вас техник говорит!

- А в вас - летчик. Тяжелые бомбы кто под плоскости подвешивает? Пушки кто заряжает? С мотором кто в любой мороз возится? Кто рацию настраивает и приборы проверяет? Парашют укладывает кто?

- Все так, что дальше?

- Не о вас конкретно речь. Некоторые летчики свысока на техников смотрят, говорят, что их дело летать. Так-то оно так, но помочь бы иногда могли, - горячился инженер, слегка хлопая рукой по лежавшему на колене планшету.

- Оставьте планшет в покое. Я вас понял. Хотелось бы летчиков поприжать, чтобы побольше технической части помогали?

- В чем-то можно бы и побольше помогать!

- Знаете же, когда вылетов много, прилетаешь, как выжатый лимон. Наземной работой можешь только на кровати заниматься, - заметил Виктор Николаевич.

- Но бывает и полегче, - снова возразил инженер-майор.

- Бывает.

- Думаю, друг друга вы поняли, - вмешался, наконец, командир полка. Старая истина, что летает не летчик, а экипаж, да всегда новая. Давайте-ка поактивнее в этом направлении работу поведем.

- Товарищ майор, в экипаж по штатам входит и техник самолета, - уточнил инженер.

- Конечно же, я и его имею в виду, - сказал Мазуренко. - Летает не летчик, летает экипаж, - еще раз повторил он. - А для сплочения экипажей давайте для начала оформим стенд о их боевой работе. Ведь в самом деле, техники подготовили машину, летчик слетал, выполнил задание, но какой ущерб нанесли врагу, техники знают слабо, по отрывочным рассказам летного состава. А ведь летчик о себе не всегда расскажет.

- Конечно, - заметил Каштанкин, - один может наговорить, что Геринга сбил, из другого, кроме обычного "все нормально", слова не вытянешь...

- Я с политработником и фотоспециалистами поговорю, - подвел итог разговору Мазуренко, - а вы посмотрите, что еще для улучшения воспитательной работы можно сделать.

...Увеличенные фотографии запечатлели яркую картину разгрома вражеских войск: искореженные взрывами бомб автомашины и танки, разбитые реактивными снарядами зенитные орудия, горящие транспортеры. В клубе полка, где стоял стенд, слышались возгласы одобрения и похвалы "илам", отечественному оружию, летчикам.

Когда фотоснимки были рассмотрены, скорее, изучены, политработник тут же побеседовал о содружестве летчиков и техников. Снова и снова повторял он, что в полете самолет, летчик опираются не только на подъемную силу крыла, но и на их - техников - плечи и благодаря этому шире у него становятся крылья, сильнее оружие, зорче глаз.

Говорят: "Сто лет глядел бы на дело рук своих", имея в виду созидание, но сейчас летчиков и техников радовал нанесенный ущерб врагу, и каждый понимал, что уже не стрелять больше этим сожженным танкам и орудиям, не бороздить воды потопленным кораблям и ˆудам, не топтать нашу священную землю убитым гитлеровцам.

16

Перед штабом выстроился полк. Каштанкин впервые видел в сборе весь личный состав известного в морской авиации 7-го гвардейского. Командир полка Герой Советского Союза гвардии майор А. Е. Мазуренко поздравил личный состав с 26-й годовщиной Красной Армии и Военно-Морского Флота и зачитал приказ Верховного Главнокомандующего, в котором подводились итоги боевых действий против немецко-фашистских захватчиков. "Свыше года, - говорилось в приказе, - Красная Армия ведет победоносное наступление, громя армии гитлеровских захватчиков и сметая их с Советской земли". Подчеркивалось, что Красная Армия выиграла летние сражения 1943 года и развернула победоносное наступление 1943-1944 годов. Фашистская Германия оказалась поставленной на грань катастрофы. В приказе отмечалось, что воины Армии и Флота, партизаны проявили чудеса героизма.

В памяти Каштанкина встали те, кто своей жизнью завоевывал победы, о которых говорилось в приказе, ушедшие в бессмертие боевые друзья: таранивший и утопивший вражеский тральщик Кротевич, летчик Щербинин, который направил свой

горящий штурмовик на "мессер". Их было немало, славных соколов, что погибали, но побеждали.

Он считал в строю полка и тех, кто служил в нем, нес ему славу, а ныне сражался в других частях: Героя Советского Союза Е. Н. Преображенского, когда-то в прошлом командира этого полка (человека, водившего балтийские бомбардировщики бомбить фашистскую столицу Берлин), Героя Советского Союза Н. С. Степаняна (впоследствии дважды Герой Советского Союза), Героя Советского Союза Н. В. Челнокова (вскоре он стал командиром штурмовой авиадивизии, куда входил 7-й гвардейский полк, был удостоен звания Героя Советского Союза дважды) и других, пусть менее известных летчиков.

В приказе ставилась задача овладеть боевым опытом, совершенствовать мастерство, бить врага, как его бьют гвардейцы. Эти слова были и о них, гвардейцах 7-го полка, о тех, кто стоял в строю полка: прирожденных летчиках М. Бухарове и В. Власове, неутомимых тружениках авиамеханиках А. Тронине и Г. Трестьяне, романтике неба воздушном стрелке В. Кузнецове, инициативном и рассудительном политработнике И. Мелком.

Сосредоточенны их лица, строги взгляды. Каштанкин подумал о том, что они достойно пронесут гвардейское Знамя до границ, до фашистского логова через любые бури и испытания. Думал еще о том, что в тридцать с небольшим лет многое впереди, и хочется жить, чтобы трудиться для страны, мечтать и любить, строить завтрашнее счастье и растить Володю и Наташу. Думал и о том, что впереди много напряженных боев, каждый из которых может быть последним, что, может быть, он не увидит своими глазами победу, но сделает все, чтобы приблизить ее, хоть на день, хоть на час...

Зачитав приказ, гвардии майор Мазуренко пожелал личному составу новых успехов в боях и разрешил отдыхать всем, у кого нет срочных дел...

На постах осталась дежурная служба, а летный и технический состав после небольшого концерта бригады артистов разошлись по землянкам. Одни повели неторопливые беседы, другие сели писать письма, третьи устроили шахматное сражение.

Но постепенно смолкли разговоры, были отложены недописанные письма, стихли возгласы шахматистов. Вниманием присутствовавших в землянке завладел авиационный механик сержант Георгий Трестьян. "Ошибается тот, кто считает, что на войне только стреляют, бомбят, атакуют или отбивают атаки врага, подумал Виктор Николаевич. - Когда выпадает свободное время, они делают то же, что и все живущие на земле, и даже пишут стихи".

Подбадриваемый товарищами, Трестьян читал поэму, вызвавшую улыбки своим названием: "Евгений Онегин в авиации".

"Нет, я не Пушкин, я другой,
Еще неведомый избранник,
По штатной должности механик,
Но с поэтической душой..."

Неизвестный поэт рассказывал об авиамеханике Евгении Онегине, который:

"Подобно всем другим ребятам,
Выл призван он военкоматом,
Забрал повестку, сел в вагон,
А в общем, - стал военным он".

Трестьян не ожидал, что вызовет такой интерес у авиаторов незамысловатыми стихами, а его товарищи слушали и хвалили поэму за то, что написана она об авиации и слог "как у самого Пушкина". Ободренный дружескими репликами, Георгий читал строки о том, как авиамеханику Онегину, "чтобы самолет его был чист", был дан "помощник верный, Владимир Ленский, моторист". Евгений и Владимир сдружились, лучше всех оказались в работе. Все шло хорошо.

"Но тут пришла в недобрый час
Татьяна, мастер по приборам..."

Красоты Татьяна была необыкновенной, многим нравилась она в авиаполку, но ей - лишь один Онегин. Девушка так же, как и в свое время пушкинская Татьяна, горячо полюбив его, написала ему письмо:

"Я к вам пишу - чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Мечтой о вас жила я в школе,
Я не могу спокойно спать..."

Она сообщила любимому, что он ее идеал, что вместе они были бы всегда счастливы, "письмо угольником свернула, списала адрес и уснула". Но Онегин спокойно взирал на девичью красоту, ровно билось его сердце, потому что "сильна техническая кровь, не победит ее любовь".

Ссора между Онегиным и Ленским произошла, когда в части появилась веселая и общительная Ольга, дружившая сначала с Ленским, потом с Онегиным. Застав Ольгу и Евгения вместе, Владимир был оскорблен.

"И грудь моя клокочет мщеньем,
И стонет попранная честь...
И бросил он врагу с презреньем
Торцовый ключ на "тридцать шесть".

- Ключ вместо перчаток, - хохотали авиаторы. - Правильно

сделал! Давай, Трестьян, жми дальше!

- А вы не смейтесь так громко, мне вас не перекричать, - ответил Георгий. - Дело серьезное, сейчас дуэль будет!

Смех немного стих, и он продолжил:

"Надев суконные фуражки,
Накинув на плечи шинели
И выпачкав в грязи ботинки,
Пришли к ангару для дуэли.
Они готовились с рассветом
Сразиться в цвете юных лет,
С собою взяв два пистолета
И десять штук цветных ракет".

Летчики и механики весело смеялись, а Трестьян читал о том, как пел Ленский свое знаменитое: "Куда, куда?..", посылая Ольге "последний пламенный привет" и как, "отсчитав пятнадцать метров Онегин поднял пистолет". Сцена дуэли была, конечно, кульминационной в повествовании.

Евгений знал, что по роману победит своего соперника. После выстрела он поспешил к Ленскому, но увидел с изумлением, что тот жив и невредим. Посоветовавшись, бывшие друзья решили, и это было совсем не по Пушкину, стреляться еще раз. Онегин и Ленский снова стали по местам, достали еще по одной ракете. Но продолжить дуэль им помешали: рассыльный срочно потребовал явиться к командиру. И тут последовала расплата:

"За самовольную отлучку,
Наш Ленский получает взбучку,
За хулиганство, за стрельбу
Он был посажен на "губу".

Онегина, как старшего по должности и воинскому званию, наказали более строго. Ему предстояло разлучиться с товарищами, с обеими девушками. Комдив ему объявил:

"От вас, Онегин, я, признаться,
Таких вещей не ожидал,
Чтоб с подчиненными стреляться,
На всю дивизию скандал!
Чтоб больше не было такого!"
Тут на минуту он умолк,
Подумал и сказал сурово:
"Перевести в соседний полк!"

В небольшом эпилоге неизвестный автор признавал несовершенство своих стихов, сожалел о том, что рано умер Пушкин, и не смог ничего написать об авиации...

На несколько дней Трестьян стал самой популярной

личностью в эскадрильях. Его то и дело просили почитать поэму или напомнить отдельные места. Георгий смеялся вместе с товарищами, а на вопрос Виктора Николаевича об авторе ответить не смог, отшучивался:

- Не знаю. Знаю, что не я!

- Ясно, что не вы. А кто? - настойчиво спрашивал Каштанкин.

- Товарищ майор, правда не знаю. В другом полку достал тетрадку со стихами. Там слышал, младший лейтенант из новеньких привез. Да мало ли разных стихов люди сочиняют. Наш замполит говорит, что, пока гремит оружие, не молчат музы!

- Не зазнавайтесь смотрите, артист! - улыбнулся Виктор Николаевич.

- Вот это, товарищ майор, мне никогда не угрожает!

Заместитель командира полка майор Иван Яковлевич Мелкий выступление авиамеханика не оставил без внимания, на "карандаш" взял. "Надо, - решил он, - привлечь его в полковую самодеятельность".

17

- А ведь прошли времена, когда мы воевали только над землей, вроде как сухопутными моряками стали. Прошли! Теперь больше над морем летать будем, говорил командир полка майор Мазуренко помощнику по летной подготовке майору Каштанкину и заместителю по политической части майору Мелкому. - Новое сегодня в штабе сказали; "Мы морские летчики, море - наше поле боя".

- Хорошо, как призыв звучит, - заметил замполит, доставая блокнот. Он что-то хотел записать, но отложил блокнот и добавил: - Для коммунистов в коротких словах целая программа работы.

- Верно, задачи в общем понятны, - продолжал майор Мазуренко и стал развивать давно родившиеся у него мысли. - Поле боя - не просто место боя. Географическое, что ли. На нем мы новые приемы действий применяем. Самолеты сейчас лучше оснащаются, - стало быть, и новую технику.

- И еще на поле боя люди мужают, мастерство их растет, - добавил политработник.

- Согласен. На все сто процентов согласен! А нам, товарищ майор, повернулся он к Каштанкину, - на занятиях по тактике надо учить атакам в море с разных направлений и малых высот.

- Дорог в бою много, а успех на самой верной лежит, - сказал задумчиво Виктор Николаевич.

- Будем учить, как ее выбрать, самую верную для боевого успеха, согласился командир полка.

Почти все пути-дороги авиаторов-штурмовиков и

бомбардировщиков с весны вели к вражеским кораблям и судам. Неуютно почувствовали себя гитлеровцы в море. Резко возросли вражеские потери. Немецкое морское командование отвело крупные корабли в западную часть Финского залива. Чтобы уменьшить потери, враг старался посылать конвои под покровом тумана и сплошной облачности.

...В тот день изморось стерла границы между землей и водой. Но авиаторы знали, что именно в такую погоду чаще всего прорывается враг и разведку необходимо вести даже в условиях минимальной видимости, когда "летать могут только черти да советские летчики". На этот раз на разведку вылетел майор Каштанкнн.

Виктор Николаевич пришел на стоянку. Самолет был уже подготовлен. Ожидая командира, члены экипажа беседовали. Воздушный стрелок просвещал молодого моториста:

- Самое сложное дело - разведка, - говорил он. - Закон у нас такой: все видеть и знать, а самому оставаться незамеченным, второе, я скажу, труднее первого.

- Можно бы и поскромнее, - прервал Каштанкин популярную беседу. - В кабину...

Робкую тишину аэродрома спугнул рев двигателя. Пробив завесу тумана, "ил" вырвался к морю. И вот он, чужой берег. Пролетая над шхерами,. где погода была лучше, Каштанкин видел, как сторожевые катера и буксиры жались к берегу, хотели слиться с прибрежными скалами, чтобы их не заметил грозный советский самолет.

Но это все мелочь. Сегодня задача - не пропустить, найти конвой, а его как на зло не было видно. Зато показалась пара вражеских истребителей. Они пошли в несмелую атаку, но длинные очереди воздушного стрелка заставили их отстать.

Стрелка на приборе показывала, что бензина в баках осталось ровно половина. Вести разведку дальше не позволял запас горючего, Каштанкин развернул машину на обратный курс. Да, бывает и так в разведке; не бомбят, не стреляют, если есть дело более важное.

В другой такой же сумрачный день отряд фашистских кораблей пытался незаметно прокрасться по заливу. В воздух поднялись "илы". Низкая облачность мешала наблюдению за горизонтом. Лишь кое-где в небольших окнах между облаками просматривалась вода. "Данные разведки идеальны", - отметил про себя Виктор Николаевич, увидев в отмеченном на карте квадратике смутные силуэты конвоя.

- Атака! - передал он по радио всей группе самолетов.

С разных направлений парами пикировали машины на

корабли и суда таково было решение: атаковать ведущему и ведомому одновременно. Сбросив бомбы, Каштанкин вывел самолет из пикирования. Он внимательно осмотрелся и увидел, как, задрав нос, погружается транспорт, от бушевавших на двух других судах пожаров над волнами стлались густые клубы дыма. Но рядом не было ведомого лейтенанта Лохова. "Не случилось ли чего, - забеспокоился майор, такая облачность плотная, да и сбить могли".

...Когда вернулись на аэродром, майор Каштанкин собрал летчиков, участвовавших в штурмовке фашистских кораблей.

- Вы знаете, товарищи, что не вернулся Лохов. Я видел его перед выходом на транспорт. Кто видел его после? - спросил Виктор Николаевич.

- Товарищ майор, лейтенант Лохов атаковал другой транспорт, не тот, который вы. Из пикирования вышел, - сказал один из летчиков.

- Майора Каштанкина к телефону! - закричал дежурный по стоянке, прервав разговор авиаторов.

Виктор Николаевич вернулся к летчикам повеселевшим.

- Нашелся! В расположении нашей пехоты сел. Скоро прилетит.

Словно гора с плеч свалилась у каждого, и все же летчики недоумевали: что случилось с Лоховым, почему он не атаковал вместе с ведущим, не прилетел с группой?

О том, что произошло, рассказал сам лейтенант. Он увлекся атакой, забыв о требовании держаться рядом с ведущим, и несколько раз спикировал на небольшой транспорт. Осмотрелся, когда расстрелял боезапас. Тут он и обнаружил, что остался один. Горючего в бензобаках оставалось мало, и ведомый полетел на ближайший аэродром, где стояли самолеты фронтовой авиации.

Думал молодой пилот, что, увидев его невредимым, Каштанкин обрадуется, но тот хмуро спросил:

- Значит, решили действовать самостоятельно? Ведущего бросили!

- Быстро все случилось, сам не ожидал, - оправдывался лейтенант.

- Зачем рисковать без надобности? Одного могли сразу сбить. Точнее действовать надо" расчетливее, - внушал майор.

- Не получается спокойнее, я же боец! - сказал Лохов, делая ударение на последнем слове.

- Я тоже не кисейная барышня. Жизни за Родину, за товарищей не пожалею. Но все мы живые нужнее...

Каштанкин отвел ведомого в сторону от группы, подумал, что парень, видать, своенравный и тут одним собеседованием дело не

кончится.

- Все поняли? - спросил Виктор Николаевич примирительно.

- У меня талисман есть, товарищ майор, - неуверенно проговорил Лохов.

Каштанкин с недоумением посмотрел на подчиненного:

- Какой же, если не секрет?

- Портсигар. Подарок невесты, от осколка меня спас.

- Случайность! Не стоит рисковать даже с талисманом в кармане. В бою надо не только о себе думать, но и о товарищах - это самый верный путь, сказал майор, вспомнив беседу с командиром полка и замполитом. - Иначе не увидишь победу, как своих ушей!

Лейтенант скосил глаза направо, налево, дернул себя за левое ухо, отвел его в сторону.

- Не увидели? - впервые за время разговора улыбнулся Каштанкин.

- Я и раньше пробовал, мудрость народную проверял. Не увидишь.

По выражению лица и тону, которым были сказаны эти слова, майор понял, что "не увидишь" летчик отнес не только к своим ушам, он думал о дороге к боевому успеху.

- Ладно, пусть прошлый бой будет наукой. Помните, как-то командир полка говорил, что надо учиться на опыте каждого боя?

- Помню! Еще он говорил, что больше о деле надо думать. Мол, идешь на стоянку - думай о том, что предстоит сделать, как лучше выполнить боевое задание!

- Запомнили, однако!

- Запомнил. И вы, товарищ майор, все верно говорили.

- Да; война - школа, которая ошибок не прощает. А я что? Я уже давно все простил!

18

"В боях за Советскую Родину проявил себя смелым, решительным и отважным бойцом,

6.3.1944 г. в группе 8 самолетов Ил-2 произвел боевой вылет на штурмовку артиллерийско-минометных позиций противника на северо-западной окраине г. Нарвы. Бомбоштурмовым ударом в группе уничтожил 5 дзотов, подавил огонь 3 минометных батарей".

Это строки из личного дела гвардии майора Каштанкина, В приведенном документе сказано только об одном бое. Как это было?

Утром 6 марта командование сухопутных войск попросило помочь огоньком одной из дивизий, сражавшейся с врагом неподалеку от города Нарвы. Восьмерку штурмовиков повел в бой

помощник командира полка по летной подготовке гвардии майор Каштанкин.

У переднего края гитлеровцы открыли сильный заградительный огонь. Казалось, шапки разрывов покрыли все небо перед самолетами. Резко изменив высоту и скорость, "илы" проскочили опасный участок. Выполнив противозенитный маневр, Каштанкин вывел группу к цели, и штурмовики спикировали на дзоты. Четыре стокилограммовых бомбы с каждого штурмовика одна за другой пошли к земле.

Дзоты были уничтожены (позже фотографии подтвердили их разрушение), но по-прежнему вели огонь минометные батареи.

Каштанкин двинул от себя ручку управления и ввел самолет в пикирование. Маневр повторили и другие "илы". К вражеским позициям потянулись трассы очередей" "Порядок в авиачастях", - повторил майор любимые слова ведомого, снова направляя самолет на другие, еще огрызавшиеся огнем цели.

Израсходовав все боеприпасы, штурмовики легли на обратный курс.

Еще более удачными были действия летчиков-штурмовиков 18 марта в районе бухты Кясму Лахт. Здесь наши разведчики обнаружили "большую рыбу" (так авиаторы называли большие вражеские конвои и скопления кораблей и судов в базах). 7-й гвардейский авиаполк повел на задание сам командир гвардии майор Мазуренко. Каштанкин возглавлял группу "илов".

Самолеты летели ровным сомкнутым строем. Не долетая до места нанесения удара, рассредоточились.

И вот группы на боевых курсах.

Каштанкин ввел самолет в пикирование и увидел, как увеличиваются в размерах корабли, но все же это были малые цели.

Но вот цель - тральщик - в перекрестии прицела.

Гвардии майор Каштанкин нажал кнопку на штурвале. Сработал электробомбосбрасыватель, поставленный на одиночное бомбометание. На тральщике взметнулось пламя, и вскоре корабль скрылся под водой.

Удачными оказались атаки и на два других тральщика...

В этом и других боевых вылетах Каштанкин показал, что он мастерски владеет искусством пилотирования, без промаха бьет из пушек и пулеметов, бомбовые удары его точны. Так воевали многие летчики гвардейского полка.

19

23 марта 1944 года воздушная разведка обнаружила в Нарвском заливе две группы кораблей противника общей численностью до полутора десятков вымпелов. Группе самолетов

7-го гвардейского авиационного полка было приказано атаковать противника. Вел семерку командир полка Герой Советского Союза гвардии майор Мазуренко. Каштанкин был ведущим одной из пар.

День выдался хмурым, словно в декабре. Пробив облачность, самолеты снизились и пошли над разлинованным вспененными волнами морем.

Впереди показались силуэты вражеских кораблей. И почти тотчас навстречу штурмовикам потянулись трассы. Небо покрыли шапки разрывов.

Пара гвардии лейтенанта Родионова прорвалась сквозь плотный заградительный огонь и подожгла сторожевик противника. Смело атаковали врага гвардии майор Мазуренко, гвардии капитан Бухаров, гвардии лейтенант Терещенко и другие.

От прямых попаданий возник пожар на двух фашистских кораблях, некоторые получили повреждения и потеряли ход, а "илы" продолжали штурмовку.

Но несмотря на ощутимые потери, противник продолжал вести по самолетам яростный огонь.

Майор Каштанкин увидел, как над кабиной, влево и вправо от него, вдруг возникли шары разрывов зенитных снарядов. Огненные всполохи преграждали путь, метались оранжевые трассы. Но он не отвернул, Вперед и только вперед!

Каштанкин произвел расчет бомбометания, поставил на нужное деление ручку электробомбосбрасывателя. Штурмовик лег на боевой курс. И вдруг, в тот момент, когда майор положил пальцы на кнопку, в машину врезался вражеский снаряд. Самолет подбросило. Электросбрасыватель сработал раньше времени, и бомбы не причинили вреда фашистскому кораблю. Летчик выровнял "ил" и ударил из пушек по палубе и корабельным надстройкам. Но сторожевик еще жил, а огонь все больше охватывал самолет.

Штурмовик пикировал все круче и круче. Командир вражеского корабля, очевидно, понял намерения советского летчика таранить корабль. Он маневрировал, пытался уклониться. Гитлеровцы стали бросаться с палубы в воду.

Боевые друзья Каштанкина видели, как его горящая машина развернулась и рванулась прямо на корабль противника. Это Виктор Николаевич до отказа двинул рычажок сектора газа вперед. Удар всем самолетом пришелся в центр вражеского корабля. Отвалившиеся при таране крылья, скользнув по палубе, подняли фонтаны воды у борта. Моторная часть самолета и кабина, пробив надстройки, взорвались вместе с котлами.

Грозным эхом прокатился взрыв над заливом. Взвилось вверх и погасло пламя. Фашистский сторожевик со всем экипажем пошел ко дну.

"Нас не забудет Родина! " - были последние слова Каштанкина.

Экипаж мог покинуть горящий самолет, но выбрал последнее - таран. Гвардии майор Каштанкин и воздушный стрелок гвардии младший сержант Кузнецов разделили судьбу и победу.

Небо потемнело, как будто оделось в траур по тем, кто сдержал клятву балтийской гвардии: "Гвардеец может умереть, но должен победить".

Жестоко отомстили летчики врагу за гибель их боевого товарища. Фашистский конвой был разгромлен наголову. Всего в этом памятном бою балтийские соколы уничтожили два транспорта, два сторожевых корабля и сторожевой катер, сбили 7 вражеских самолетов...

В сообщении Советского информбюро от 24 марта 1944 года говорилось: "Авиацией Краснознаменного Балтийского флота в Финском заливе были обнаружены две группы кораблей противника. Советские летчики нанесли несколько бомбоштурмовых ударов и потопили два немецких транспорта водоизмещением по 2 тыс. тонн каждый, сторожевой корабль и сторожевой катер. Сторожевой корабль противника был потоплен летчиком тов. Каштанкиным, который погиб при этом смертью героя. Советский патриот направил свой самолет на судно и врезался в него. Произошел сильный взрыв. Корабль немедленно пошел ко дну. Преследуя караван немецких судов, наши летчики в порту Ассерн взорвали и потопили еще один сторожевой корабль противника".

Группа штурмовиков, вылетевших на задание, приземлилась на своем аэродроме... Не вернулся лишь самолет гвардии майора Каштанкина.

Скорбная весть быстро облетела полк. Летчики тяжело переживали потерю боевого товарища, командира, который учил их не только грамотно воевать, но и служил примером высоких моральных качеств, преданности воинскому долгу.

- С ним летал воздушным стрелком мой хороший дружок, сержант Вася Кузнецов, сибиряк, - сказал, обращаясь к майору Мазуренко, его воздушный стрелок. - Мать, братишки и сестренки младшие у него в Новосибирске. Отец под Ленинградом погиб. Вася вместо него добровольно на фронт попросился.

- Обоих я слышал их, и Каштанкина, и Кузнецова, - рассказывал начальник радиостанции, поддерживавший в полете

связь с экипажами. - До последнего момента слышал. Кузнецов крикнул: "Товарищ майор! Давай на таран как Гастелло!" Летчик тут же ответил: "Нас не забудет Родина".

- Так оно и произошло, - вздохнул командир полка. - Майор ответил воздушному стрелку, что их не забудет Родина, и повел горящий самолет на таран.

- И сразу прервалась с ними связь, - добавил начальник радиостанции.

- Могли с парашютом прыгнуть... Но выбрали последнее... - проговорил Мазуренко, голос его дрогнул, спазмы сдавили горло, и командир полка, не закончив разговор, пошел к штабу.

Поздним вечером гвардии майор Мазуренко сел за стол, чтобы написать представление к награде на Виктора Николаевича Каштанкина. Писалось трудно. Он смотрел на подготовленную штабом справку о вылетах и боевых делах своего помощника по летной подготовке и видел Каштанкина живым, полным сил и энергии. Мазуренко подумал, что так и должно быть, потому что в памяти остаются дела человека, а совершают их живые...

Командир полка вспомнил недавний разговор с помощником по летной подготовке. Говорили вроде о постороннем, о школьном опыте с железными опилками и магнитом. Каштанкин сказал, что если на лист бумаги рассыпать железные опилки, то это будет "неорганизованная масса", но если к листу приложить магнит, то под действием его силовых линий масса примет строго определенную структуру. Мазуренко вспомнилось, что тогда он ответил Каштанкину, развивая его мысль, что в военных условиях боевое задание или приказ организует массу, направляет силу и волю людей на решение определенной задачи, а оружие - на нужную цель...

Приказ привел летчиков к вражеским кораблям и транспортам, направил на них оружие "илов". Но ведь никто не приказывал майору Каштанкину идти на та' ран. Значит, дело не только в силе приказа. Есть еще более могучая сила, чем приказ: сила великих идей, во имя которых мы подняли наше грозное боевое оружие...

Алексей Ефимович взял бланк наградного листа и, по-прежнему видя перед собой умное и доброе лицо боевого друга, начал писать: "На помощника командира по летной части 7-го гвардейского пикировочно-штурмового авиационного полка ВВС КБФ гвардии майора Каштанкина Виктора Николаевича." Он написал о боевых заслугах майора Каштанкина, перечислил разрушенные им немецкие военные объекты, потопленные и поврежденные корабли. Закончил словами о последнем подвиге летчика; "23.03.1944 года в группе 7 самолетов Ил-2 произвел

боевой вылет на штурмовку кораблей противника в 15-20 км севернее губы Кунда. Таранил СКР противника, погиб.

К званию Героя Советского Союза представляется посмертно".

И размашисто расписался:

"Мазуренко".

Через несколько дней командир дивизии дописал на представлении:

"За бесстрашие, героический подвиг при таранном ударе на подбитом самолете Ил-2 по сторожевому кораблю противника ходатайствую о представлении гвардии майора Каштанкина В. Н. к званию Героя Советского Союза.

Командир дивизии полковник Г. Хатиашвили".

Позже представление подписали командующий Краснознаменным Балтийским флотом В. Ф. Трибуц и член военного совета Н. К. Смирнов.

В опубликованном в нашей печати в начале июня Указе Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1944 года говорилось: "За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая звезда"... гвардии майору Каштанкину Виктору Николаевичу".

"Пример героя, - писала в июне газета "Летчик Балтики", - зовет всех летчиков Балтики к новым подвигам, к новым победам, к полному разгрому немецкого фашизма".

Пока видели глаза, крепки были руки и послушна машина сражался коммунист В. Н. Каштанкин. Своими делами и подвигом он завещал беззаветно любить Родину и ненавидеть ее врагов, быть смелым и упорным в бою, не жалея крови и самой жизни исполнять свой долг перед народом и партией.

Во все времена и у всех народов славился ратный подвиг во имя своей родины, и немало таких замечательных свершений знает история. Но то были подвиги героев-одиночек. Победа Великого Октября породила поколения героев. К тому поколению, что в огненные годы войны заслонило собой Советскую Родину, принадлежал и гвардии майор В. Н. Каштанкин.

Сколько было таких подвигов на земле и в воздухе? Все более глубокое изучение документов Великой Отечественной войны дает все новые и новые факты о совершенных огненных таранах при защите нашей Отчизны.

Человеку для жизни отведены годы, народ - бессмертен. Но бессмертными называют и тех, кто жил только для людей, кто погиб, защищая жизнь. Такими были и всегда будут для потомков герои Великой Отечественной, чьи имена золотыми буквами

вписаны в историю нашего великого народа.

20

Разумеется, никто и никогда не расскажет о человеке и его делах лучше, чем те, кто знал его близко, кто сражался с ним бок о бок или делил с ним хлеб и кров. Предоставим слово именно таким людям.

Бывший командир 7-го гвардейского штурмового авиационного таллинского Краснознаменного ордена Ушакова II степени авиационного полка дважды Герой Советского Союза генерал-майор А. Е. Мазуренко в одной из бесед рассказывал: "Часть стояла под Ленинградом, когда к нам пришел служить Каштанкин. Он активно взялся за все дела, совершил успешные боевые вылеты. Виктор Николаевич умел и любил летать, рвался в бой.

Вспоминаю тот памятный день, когда он погиб смертью героя. Гвардии майор не должен был лететь на штурмовку вражеских кораблей, потому что я вел группу самолетов. Уже перед полетом по своей инициативе он заменил другого летчика и вылетел ведущим одной из пар.

Как сложился бой и чем он закончился, - известно. Момент подвига видели наши летчики, участвовавшие в том памятном бою. Они жестоко отомстили врагу за гибель Виктора Николаевича".

Авиамеханик сержант Александр Тронин дополнил: "Виктора Николаевича я знал со службы на МБР-2. Многие положительные качества выделяли этого замечательного летчика, но одно, пожалуй, особенно. Умел он видеть из кабины самолета гораздо дальше, чем из нее видно в действительности, видеть всю страну и в мирные, и в военные годы, быть за нее в ответе". При этом Александр добавил, что смотреть и видеть - не одно и то же. "Смотреть значит, пожалуй, созерцать, видеть - это проникать в суть явлений..."

А вот что сообщила о Каштанкине в письме вдова Вера Афанасьевна:

"Виктор Николаевич часто писал мне с фронта (часть этих писем приведена в тексте. Прим. автора).

Каким был Виктор Николаевич на службе, об этом, мне кажется, больше могут рассказать люди, которые вместе с ним работали, воевали. Знаю, что он очень любил свое летное дело, был требовательным к подчиненным, ценил дисциплину и порядок. Больше всего он любил людей, с которыми ему приходилось работать, и его также уважали и матросы, и офицеры.

В домашней обстановке Виктор Николаевич был редкой души

человеком. Спокойный, выдержанный, веселый, добрый, очень любил детей, мог часами с ними играть, выдумывая всякие игры.

Вечерами Виктор Николаевич занимался высшей математикой, мечтал учиться в академии, но помешала война. Он был очень одаренный, способный. Память у него была исключительно хорошая. Он неплохо разбирался в живописи, музыке..."

Таким В. Н. Каштанкин остался в памяти жены, а вот дети Владимир и Наталья знают отца только по рассказам матери, по его письмам и публикациям о нем в нашей печати.

После героической гибели Виктора Николаевича летчики 7-го гвардейского полка прислали его жене и детям письмо:

"Краснознаменная Балтика потеряла в марте славного сына нашей Родины, преданного воина и отличного летчика. Он геройски отдал свою жизнь за победу над общим врагом - гитлеризмом. Дорогие, за смерть Виктора Николаевича мы, балтийские летчики, поклялись мстить и мстить..."

Друзья-однополчане высоко оценили личные боевые и моральные качества другого погибшего героя. Письмо, полное дружеского участия и сочувствия, получила и семья воздушного стрелка младшего сержанта Василия Кузнецова, летавшего вместе с В. Н. Каштанкиным.

Сохранилась почтовая открытка, датированная 1944 годом. Это последняя весточка с фронта, которую прислал родным в Новосибирск гвардии младший сержант В. Г. Кузнецов. Она пришла в родной город моряка как раз в тот день, когда Каштанкин и Кузнецов совершили свой бессмертный подвиг.

Родные Василия читали и перечитывали теплые, задушевные слова, написанные торопливо, неровным почерком, по-видимому, в спешке, между полетами и боями, радовались, что он жив и хорошо воюет, а в живых его уже не было. В тот день он совершил подвиг, о котором в послужной карточке младшего сержанта записано: "При выполнении бомбо-штурмового удара по кораблям противника в Нарвском заливе был подбит огнем зенитной артиллерии, на горящем самолете таранил корабль противника, погиб 23.3.1944 г.".

Родные В. Г. Кузнецова знали из сводки Советского информбюро о таране балтийскими летчиками фашистского сторожевого корабля. Но в ней не было фамилии младшего сержанта Кузнецова, ведь невозможно было рассказать обо всем подробно в коротком экстренном сообщении. Поэтому не могли знать его мать Анна Ниловна, братья и сестры, что в самолете был и их Василий.

Короткую нелегкую жизнь прожил Василий Григорьевич

Кузнецов. Он родился в 1924 году в Сибири. Учился в школе в городе Новосибирске. В семье, где было пятеро детей, Вася был старшим. На его еще не окрепшие плечи легли заботы о младших, обо всей семье. Сразу же после окончания семилетки он пошел работать на завод. Молодой токарь не раз удостаивался похвал за ударный труд.

Но работать на заводе пришлось недолго. Когда в 1942 году на Ленинградском фронте погиб его отец, на смену ему в строй Вооруженных Сил встал старший сын.

Центральный райвоенкомат г. Новосибирска направил юношу-комсомольца в школу младших авиационных специалистов Военно-Морского Флота. Быстро пролетели месяцы учебы, и В. Г. Кузнецов стал воздушным стрелком самолета в запасном авиационном полку. Василий Григорьевич рвался на фронт, просил послать его под Ленинград, где раньше сражался отец, и командование удовлетворило его просьбу.

Краснофлотец Кузнецов получил назначение в известный на всей Балтике 7-й гвардейский пикировочно-штурмовой авиационный полк.

Летать стал Кузнецов на "илах" воздушным стрелком. Правда, воевать ему пришлось недолго, всего несколько месяцев. Но и за это время товарищи узнали его как старательного, умелого и отважного воина, душевного и отзывчивого человека, активного комсомольца. Он отлично владел своим оружием - пулеметом Березина, хорошо знал силуэты вражеских самолетов, их уязвимые места, успешно выполнял стрельбы.

За высокие показатели в боевой и политической подготовке накануне праздника 26-й годовщины Красной Армии и Военно-морского Флота в феврале 1944 года Кузнецову было присвоено воинское звание "младший сержант".

Как и его командир, стрелок младший сержант Кузнецов проявил себя бойцом отважным и решительным.

Дома всегда с нетерпением ждали письма Василия. А он писал коротко: живу хорошо, здоров, летаем, бьем фашистов, прогоним их с нашей земли вернемся домой. Но домой вернуться ему не довелось. Осталась на память о нем эта маленькая открытка с портретом А. В. Суворова и треугольным штампом полевой почты. Прислала ее мне на время вместе с другими документами брата сестра Василия, Анастасия Кузнецова (по мужу Волкова).

И что показалось примечательным: на открытке под портретом приведено высказывание великого полководца: "Минута решает исход битвы..." Это изречение подчеркнуто Кузнецовым. Теперь мы знаем, какой глубокий смысл вложил он в

эти слова. В минуту, когда все менее послушным становился горящий самолет, когда надо было выбирать между жизнью и смертью, он, не раздумывая, пошел на смерть ради разгрома врага. И эти мгновения явились переломными в ходе боя...

Молодой воин В. Г. Кузнецов - ему было двадцать лет - вместе со своим командиром совершил подвиг, который вошел в летопись боевой славы балтийских летчиков.

Воспоминания родных, сведения, полученные из военного комиссариата, позволили автору лучше представить, каким был Василий Кузнецов до ухода на фронт. Вот один ответ из военкомата: "Сообщаем, что мать Кузнецова Василия Григорьевича, погибшего в период Великой Отечественной войны, Кузнецова Анна Ниловна, пенсионерка.

В личной беседе с Анной Ниловной установлено:

В семье Кузнецовых было пятеро детей: Василий, 1924 года рождения, Дмитрий, 1928 года рождения, Николай, 1934 года рождения, и Светлана, 1939 года рождения. Все дети, кроме Василия, живы и проживают в городе Новосибирске, двое - Николай и Светлана - вместе с Анной Ниловной.

В 1941 году, в начале Великой Отечественной войны, был призван в ряды Советской Армии муж Анны Ниловны, Кузнецов Григорий Ефимович, который погиб на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в 1942 году.

Старший сын Василий учился в школе в г. Новосибирске и после окончания семилетки работал токарем. В 1943 году центральным РВК Кузнецов В. Г. был призван в ряды Советской Армии, и в 1944 году Анна Ниловна получила извещение, что ее сын погиб 23 марта 1944 года.

В райвоенкомате и облвоенкомате дополнительных сведений о В. Г. Кузнецове не имеется",

Короткое сообщение военного комиссара дополняло письмо сестры Василия Григорьевича и две фотографии.

"Написать меня попросила мама, так как она малограмотная и уже плохо помнит. Я моложе Васи на два года девять месяцев, и все хорошо сохранилось в памяти. Брат был скромным, трудолюбивым мальчиком. Очень любил рисовать. Хотел поступить в художественную школу, но в это время в Новосибирске не было таких школ. Нам предлагали отправить его в другой город, но такой возможности у семьи не оказалось. Отец сказал, что старший сын пойдет на завод учеником токаря. Так наш брат и поступил.

Каким я помню брата? Роста среднего. Волосы русые, волнистые. Глаза серые с синим оттенком. Трудиться он начал рано. Каждое лето мы с Васей ездили в деревню за ягодами,

зарабатывали себе на ботинки. Мы были старшими в большой семье, и Васе доставалось больше всех.

Письма он писал часто, я ему тоже часто писала. Правда, его письма были очень короткими: жив, здоров, думаю о вас, о доме. Да вот вернуться домой ему не довелось...

Когда Вася погиб, я писала командиру части, он ответил, написал о брате письмо и выслал нам его вещи. В полевой сумке были письма, которые мы ему писали и фотографии. Высылаю их вам...

Сообщаю, что кроме мамы, вся наша семья трудится. Я на хлопчатобумажном комбинате. Митя и Коля на химзаводе. Света окончила техникум радиосвязи..."

На присланном А. Г. Волковой фотоснимке Кузнецов и его боевые друзья запечатлены на фронтовом аэродроме в январе 1944 года в день полного снятия блокады Ленинграда. На этой фотографии генерал А. Е. Мазуренко узнал не только Кузнецова, но и некоторых других летчиков полка. "Но дело не в фамилиях, - заметил бывший командир части, - каждый из наших боевых друзей был подлинным героем войны".

Когда майор Каштанкин совершил свой геройский подвиг, 7-й гвардейский штурмовой авиационный полк вместе с частями Красной Армии продвигался к Таллину. Полк тогда еще не имел боевых орденов.

Но заслужены они были совместным ратным трудом всех авиаторов, кто совершил один вылет или десятки, или готовил самолеты на земле и снаряжал их оружие, кто был на войне рядовым или командовал полком. Каждый внес свой посильный вклад, но многие ради победы отдали самое дорогое, что есть у человека, - жизнь.

Летчик Кроткевич в ноябре 1943 года на подбитом самолете Ил-2 таранил вражеский тральщик. По имеющимся архивным данным это был первый такой подвиг на море. Но объектом его удара оказался небольшой корабль, Каштанкин направил самолет на крупную цель - сторожевой корабль.

Вспомним слова Героя Советского Союза В. Н. Каштанкина: "Мои боевые товарищи, живые и погибшие, просто решали вопросы войны: жить героем и умереть героем". В минуту испытаний Виктор Николаевич именно так решил для себя вопрос как должен поступать советский человек на войне.

Майор Каштанкин понимал, что на войне никто не застрахован от гибели. "Не будет отца, останется сын. И он также отдаст всего себя ради свободы и лучшей жизни своего народа", - писал Виктор Николаевич жене. И он не ошибся.

Сын Героя Владимир Викторович пошел по стопам отца - стал

морским офицером. В 1962 году Владимир Каштанкин окончил Высшее военно-морское училище радиоэлектроники имени А. С. Попова. Служил на Тихоокеанском флоте. Часть, в которой он командовал подразделением, стала отличной, все его подчиненные - классными специалистами.

"Часы идут, минуты бегут, а годы летят", - говорится в пословице. Ныне по возрасту сын старше отца. Старше он и по воинскому званию: капитан 2 ранга инженер Каштанкин В. В. старший научный сотрудник института. Он кандидат технических наук. Отец мог бы гордиться таким сыном.

Дочь Виктора Николаевича, Наталья Викторовна, - врач, работает в поликлинике в городе Ломоносове Ленинградской области. Ее муж - военный моряк, подполковник медицинской службы начальник хирургического отделения госпиталя,

Жена Героя Советского Союза В. Н. Каштанкина Вера Афанасьевна живет в Ленинграде. К ней часто приходят в гости пионеры и школьники, которые хотят побольше узнать о балтийском Гастелло.

От автора

В начале я упомянул, что примерно в том же районе, где совершил подвиг экипаж Каштанкина, недавно был поднят со дна Балтики самолет Ил-2. Оказалось, что этот штурмовик не принадлежал к авиации Военно-Морского Флота, он - из воздушной армии Ленинградского фронта. Значит, в том же районе аналогичный подвиг совершил еще один экипаж! Пока, правда, еще не установлены фамилии героев.

А над местом, где героически погиб В. Н. Каштанкин, в Нарвском заливе, по-прежнему вздымаются холмы волн. На его могилу не могут прийти ни скорбящие родные, ни старые друзья, ни юные пионеры с цветами в руках. Многое стирает время, но советские люди не забудут тысячи и тысячи известных и неизвестных героев Великой Отечественной войны, тех, кто отстоял свободу и независимость нашей Родины.

"Пройдут годы, - писал Виктор Николаевич жене в одном из последних писем с фронта, - и на полях и дорогах войны построят новые города, украсят их памятниками Отечественной войны. Время кое-где сравняет могилы погибших, позарастают боевые траншеи, поднимут потопленные корабли, и снова засверкает счастливыми огнями спокойная жизнь нашего народа".

Чтобы ярко сияли огни нашей счастливой жизни, и отдал свою жизнь В. Н. Каштанкин - Герой, Патриот, Человек.